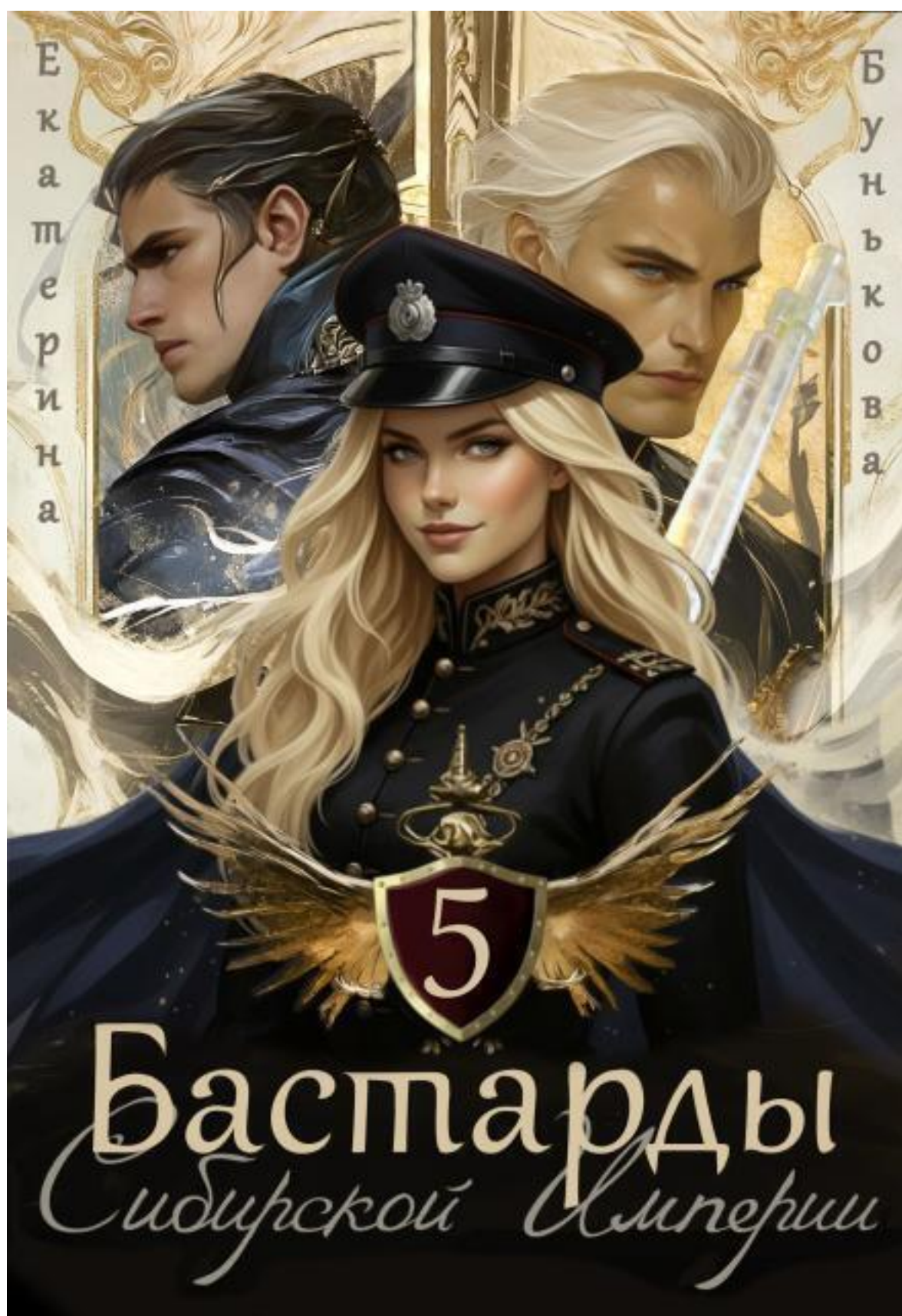

Е
к
а
т
е
р
и
н
а

Б
у
н
ь
к
о
в
а

Бастарды

Сибирской Империи

Екатерина Бунькова

Бастарды Сибирской Империи 5

«Литнет»

2026

Бунькова Е.

Бастарды Сибирской Империи 5 / Е. Бунькова — «Литнет», 2026

“Бастарды” чудом спаслись из подпольной лаборатории, и уже не так жаждут совать нос в чужие дела. Тем более, что теперь все стало так сложно, что действительно хочется год-другой пожить спокойной жизнью, ни во что не вмешиваясь. Однако осуществить эти планы им не суждено. Меньшиковы не забыли нанесенных им оскорблений, и теперь Кириллу предстоит отправиться в Закордонье и отслужить срок в штрафбате. Но наказание ли это для того, кто сам жаждет побывать в таинственной Зоне Прорыва? На этот раз вас ожидают: - красоты и шик столицы, - встреча с “серым кардиналом” и оппозицией, - Лиза в камуфляже против военных уставов, - битвы с монстрами - в звериной и человеческой шкуре. Ну и да, Константин обкатывает новое тело. Новым читателям: начинайте с первого тома или с приквела. Ссылка на первый том: Осторожно, упоротая героиня!

© Бунькова Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Глава 1

Кирилл

Была уже глубокая ночь, но никто не спал. Мы сидели в холле общежития и молчали. Мария держалась за виски и слегка покачивалась вперед-назад, глядя в одну точку. Карл хмуро осматривал собачий укус на руке “Германа”, а Лиза просто пялилась в темноту ночи за окном.

Я помассировал место, где была рана: пуля прошла насквозь, и “Пилигрим” сейчас заживлял ранение, отчего нога болела и чесалась. Попытался вспомнить, есть ли у нас еда, чтобы подпитать энергозатратный конструкт. Но после всего пережитого мозг отказывался соображать.

– Форреста жалко, – вдруг хрипло сказала Лиза. – Хороший был пес.

В тишине зимней ночи ее фраза прозвучала неестественно громко. Я невольно посмотрел на “Германа”. Тот поджал губы и как будто смутился.

– Он бы все равно умер, – сказал подменный аристократ. – Я истощил резервы тела.

– И ты считаешь это оправданием? – прищурился на него я.

“Де Геннин” не отреагировал на мой выпад – Карл приступил к заживлению его ранения, и аристократ поморщился от боли. Зато отреагировала Мария.

– Собака? Seriously? – сказала менталистка с нервным смешком. – Вас в такой момент гибель собаки волнует?

Ей никто не ответил. Молчание мы хранили всю дорогу до общежития. Оно было нашей защитой, временем на подумать и прийти в себя. Но теперь печать молчания была сорвана, и настало время все обсудить. Вот только никто не знал, с чего начать.

– Меня в данный момент вообще ничего не волнует, – честно сказала Лиза. – Пусто как-то...

Я ее понимал. В моей голове тоже было пусто и гулко, как в спортзале. Сегодня я посмотрел в глаза смерти – долгой, мучительной и совсем не героической. Я успел познать беспомощность и отчаяние. А потом все вдруг как-то нелепо закончилось. И осталось неприятное ощущение.

Разве так следует спастись от гибели? Спасение – это борьба. Драка не на жизнь, а на смерть, работа на пределе своего тела! А тут... преступник просто “передумал” нас убивать.

– Как-то все это неправильно, – сказал я.

– Телефоны! – вдруг спохватилась Мария, подпрыгнув на месте. – Меня же дома потеряют!

– Не стоит беспокоиться, я уже отослал сообщения, – сказал ей “Герман”. – И отозвал своих людей от преследования водителя.

– “Своих людей”? – переспросил я, прищурившись на него. – Будешь теперь прикидываться де Генниным?

– А у меня есть выбор? – прямо посмотрел на меня Константин. – К вашему сведению, чтобы выйти из этого тела, мне нужно умереть. А это, знаете ли, неприятно.

Он сжал и разжал пальцы на той руке, которую как раз закончил лечить Карл. Рана уже затянулась, но на месте укуса остался некрасивый свежий шрам.

Я поджал губы. Нет, я не жалел Германа – он был тем еще ублюдком. Но то, что представлял из себя Константин... Этот паразит, по его собственному признанию, уже выжрал собаку и теперь вселился в новое тело, полное ментальных и физических сил. И еще непонятно, что он сделал с душой его прежнего владельца.

“Было ли это способом нашего спасения, или же Константин просто искал повод, чтобы занять человеческое тело, и нашел его?” – задался я очень важным вопросом.

– Пусть пока все остается как есть, – сказала вдруг Лиза.

– Но эта лаборатория... – начал было я.

– ... будет закрыта, – перебила подруга. – Убийца найден и уничтожен. Погибших к жизни не вернуть. А если полиция начнет расследование, в тюрьму сядет уже не настоящий Герман.

Все непроизвольно посмотрели на Константина. Но тот не моргнул и глазом. Хладнокровное спокойствие на этом фарфоровом лице смотрелось почти так же жутко, как и пару часов назад – безразличие к чужой смерти.

– Я могу отдавать приказы его людям, – сказал Константин. – Можно закрыть лабораторию, распродать технику и выплатить компенсацию семьям погибших. В обход судебной системы.

Все задумались над этим предложением.

– А хватит ли средств? – возразил я. – Герман вечно кланчил деньги. Значит, у него их не было, лаборатория только начинала свою работу.

– Продадим биоартефакты, которые там производили, – предложила Лиза. – Через Палыча.

– Это как-то нехорошо – продавать чужие органы, – нахмурилась Мария.

Но тут Лиза была тверда:

– Мы продадим их именно затем, чтобы вернуть хоть что-то семьям погибших, – сказала она. – Думаю, артефактная почка в коробочке детям ни к чему, а вот деньги пригодятся.

Все замолчали. Мысль была здравая, но прагматизм зашкаливал. Никому из нас прежде не доводилось измерять ценность человеческой жизни в деньгах. Очень хотелось предложить какой-нибудь другой, более культурный выход. Но идея Лизы так и осталась единственной.

– Трындец какой-то. – Мария прикрыла лицо ладонями.

– Заварю чаю, пожалуй, – сказал Карл, поправил плед на плечах менталистки и вышел.

– А я отдам первые распоряжения насчет лаборатории, – сказал Константин, достал телефон и стал набирать сообщения.

И снова в холле повисла тишина. Мне было больше нечего сказать – я не разбирался в местном бизнесе. Мария пыталась успокоиться, Лиза о чем-то думала, непроизвольно то открывая, то закрывая маленький порталчик.

Неожиданно из него вывалился черный комочек – детище Юй. Он с любопытством “принюхался” к пространству, покачиваясь в воздухе. Лиза слабо улыбнулась и подала ему пальчик. Маленький паразит уцепился за него волосками-отростками и принялся довольно урчать: видимо, подруга подкормила его энергией.

Спустя пару секунд черный комок наелся, отвалился и поплыл по комнате, то закручиваясь спиралью вверх, то зигзагом медленно опадая вниз, как осенний лист. Наконец, изучив помещение, он вернулся на пальчик Лизы: решил, что там вкуснее и безопаснее.

Подруга некоторое время наблюдала за ним, улыбаясь, а потом ее улыбка вдруг угасла, взгляд снова стал пустым и устремился куда-то в пространство.

– А ведь все могло случиться иначе, – сказала она задумчиво. – Он ведь просто хотел, чтобы его любили.

Я сразу понял, о ком она, и меня это разозлило:

– Если ты говоришь сейчас о пресловутой “спасительной силе любви”, то нет, не могло, – возразил я. – Герман стал моральным уродом задолго до того, как вы встретились. И ты бы его не исправила.

– Это так, да... – смутилась Лиза. – Но все же... Человеку просто не дали когда-то любви... ну или хотя бы искренней заботы и сочувствия.

– Считаешь, это его оправдывает? – вздернул я бровь.

– Не знаю, – вздохнула Лиза, откинувшись на спинку. – Если так рассуждать, то нет на свете злых людей, есть недолюбленные.

– Будь проще, – посоветовал ей я. – Дели мир на хороших и ублюдков. Первым помогай, вторых... ну, ты понимаешь.

– Нет, не понимаю, – покачала головой Лиза. – Он не был ублюдком. Точнее, был им, но не во всем. В чем-то был самым обычным парнем с искалеченной душой. А мы не имели права на убийство.

– Как случилось, так случилось, – буркнул я, вовсе не сожалея о судьбе этого гада. – Скатертью ему дорожка на тот свет.

– Герман не умер, – подал вдруг голос Константин, отвлекшись от телефона. – Я его просто “усыпил”. И в любой момент могу вернуть ему право управления телом. Если хотите, конечно...

Он замолк. Мы же переглянулись, удивленные и шокированные этим заявлением. Де Геннин не умер?!

– Нет уж, – первым отреагировал я. – Пусть себе “спит”.

– Герман жив? – недоверчиво уточнила Лиза, поглядев в глаза оборотню.

– Хотите с ним поговорить? – настороженно уточнил Константин и явно напрягся.

Я тоже напрягся. Узнать, что этот моральный урод не сдох полностью, было уже неприятно, а уж предложение снова с ним свидеться оказалось точно лишним. Нет уж. Сдох так сдох. Мы здесь все согласны с такой его судьбой.

“Или не все?” – задался я вопросом и посмотрел на Лизу.

Однако момент женского “любовного помутнения” уже прошел, и подруга отвернулась, ничего не ответив. Возвращать несостоявшегося убийцу с того света и смотреть ему в глаза ей явно не хотелось.

– Погодите, – нахмурилась менталистка. – Но я не чувствую ни единой привычной для Германа эмоции. Если он еще в своем теле и слышит нас, почему не отреагировал на предложение его освободить?

Она с подозрением уставилась на Константина.

Мне тоже стало интересно, и я вопросительно уставился на оборотня.

– Я отрезал его от управления телом, – пояснил тот. – Лишил доступа к памяти и тем структурам мозга, что отвечают за осознанность. Он сейчас по уровню осознания себя похож на щенка или младенца. Не понимает, что мы говорим.

– Ты стер его память? – глаза Марии расширились.

– Нет, – покачал головой Константин. – Память принадлежит телу. Я лишь почти отделил душу. Просто не стал окончательно ее выбрасывать: парню было девятнадцать лет, совсем не пожил.

– Как будто, отрезанный от тела, он сможет жить, – фыркнул я.

Мне было прекрасно известно, что призрак – это не говорящая простыня из детских сказок. Это смерть, замерший зародыш сознания – без мыслей, эмоций, ощущений и прошлого. Не следит он за родными с небес, не радуется и не жалеет о содеянном. Это фактически неживой объект, просто сгусток энергии со сложной структурой.

Единственное известное мне исключение, сумевшее сохранить память и жизнь после смерти, сейчас сидело передо мной. Но этот тип скрывал так много секретов, что его способность помнить то, что было до смерти, и осознанно переселяться в чужие тела, меня уже не удивляла.

Пока я думал об этом, Константин снова огорошил всех информацией:

– Герман все видит и слышит, – сказал он. – Даже все еще испытывает влечение к Лизе. Просто он ничего не осознает – как животное, живет теперь одним мгновением, вечным “сейчас”. Можно даже сказать, что он счастлив. Поэтому вы, Мария, и не чувствуете его прежних эмоций.

Возникла пауза. Все обдумывали сказанное, решая, верить или нет.

– Если это так, то... это самая странная тюрьма на моей памяти, – сказала Мария. – Преступника наказывают счастьем?

– Тюрьма – это прежде всего изоляция, – возразил Константин. – Герман изолирован, люди в безопасности. Но следует ли быть жестоким с преступником? Или же это делает преступниками уже нас?

– И это говорит человек, укравший чужое тело, имя и жизнь, – не преминул напомнить я.

Константин вновь промолчал. И на удивление, даже Лиза не встала на его защиту. Она вообще после известия о том, что душа Германа все еще в его теле, не проронила ни слова и выглядела очень напряженной.

Похоже, Константин это понял, потому что он поднялся и откланялся, аргументировав это тем, что его дядя – то есть, дядя Германа, разумеется – будет беспокоиться.

Задерживать его никто не стал, и в холле стало еще на одного человека меньше. Но приятной атмосферы не прибавилось.

– Что-то Карла долго нет, – сказала Маша, тоже поднимаясь. – Пойду, помогу ему с чаем.

Она ушла наверх. А следом за ней встала и молча скрылась в своей комнате непривычно мрачная Лиза.

Похоже, в этот раз ее “хорошо” вышло не таким веселым, как обычно.

Глава 2

Константин

Белый снег нового года все сыпал и сыпал, укрывая город толстым слоем. Я стоял у панорамного окна и смотрел, как по выбеленной эстакаде неспешно едет дорожная снегоуборочная техника, а за ней формируется пробка из автомобилей. Вереница транспорта тянулась величественно, будто караван в пустыне.

“Удивительно, – подумал я. – Вроде бы, не так уж много времени прошло с момента моей смерти, а мир так изменился: техника, медицина, мода...”

Я положил на стекло ладонь. Теперь я знал, что эти пальцы длинные и изящные вовсе не от природы – их вытянул специальный медицинский артефакт, и для этого пришлось ломать кость каждой фаланги. А вместе с ними еще кости голеней и бедер – чтобы увеличить рост.

Процедура была крайне болезненной, и упорство прежнего хозяина тела в достижении идеала даже вызвало у меня неподдельное уважение. Как и его глубокая душевная рана находила во мне отклик...

Я тряхнул головой, пытаясь избавиться от чужого мышления. Нельзя залезть в разум другого человека и не стать жертвой эмпатии. Я не смог убить Германа. Наверное, в другой ситуации даже не стал бы его подавлять, а просто ушел в подсознание и никак не докучал бы парню...

– ... если б ты не пытался убить мою драгоценную Пуговку, – невольно закончил я вслух, поглядев на едва заметное отражение в стекле.

Я еще не привык к своему новому облику, и любые зеркальные поверхности вызывали чувство, будто парень стоит передо мной и укоризненно смотрит прямо в душу.

По привычке я проверил самого Германа, точнее то, что от него осталось. Это далось легко: слабенький Дар менталиста достался мне вместе с телом, и уж себя-то исследовать я мог. Но увы, вскоре эта способность должна была исчезнуть. По крайней мере на время.

Я прикрыл глаза и попытался прочувствовать структуру своей души. В теле пса мне это удавалось с трудом. Теперь же, будучи человеком, я видел полную картину: несмотря на долгие годы тренировок от души остались одни ошметки и потрепанный сгусток средоточия, который тоже был изъеден энергопотерей. Если бы я не переселился, совершенно точно вскоре перестал бы существовать.

Сейчас, когда я получил человеческое тело, должен был начаться процесс восстановления. Но даже в идеальных условиях это заняло бы годы, а уж при наличии второй души, которую тоже нужно содержать...

Я вздохнул.

Нет, жаловаться было не на что. Я был безмерно благодарен судьбе за еще один шанс. Да что там – мне хотелось бегать по улицам и кричать от переполняющего меня счастья!

Я жив и я буду жить. Пусть без возможности пользоваться магией, пусть притворяясь кем-то другим, но жить – есть и спать, общаться и работать. Не просто наблюдать со стороны за чужой радостью или же горем, а разделять их. Наслаждаться обыденными вещами, с которыми я почти попрощался.

Поднеся запястье к носу, я глубоко вдохнул и прикрыл глаза.

Запахи парфюма... Как же тяжело они давались собачьему носу – все время хотелось чихать. Теперь я снова мог наслаждаться ароматами. Среди парфюмерной артиллерии Германа я не нашел тот самый Eau de Cologne, который так любил, но некоторые купажи были ничем не хуже. Парень знал толк.

“Почему Герман не подарил Лизе духи, ухаживая за ней? – невольно подумал я. – Они говорят лучше любых слов”.

Стоило об этом подумать, как я помрачнел, и удовольствие было испорчено.

Я напугал ее. Смутил и запутал. Все это время моя Пуговка шла по жизни легко, план был ясен: друзей – любить, гадов – бить. А как любить друга в теле гада?

Нет, конечно, Лиза ничего не сказала. Вслух. Но это можно было прочесть по тому, как она старалась не смотреть на меня, по ее непривычному молчанию и растерянности. Она должна была ненавидеть память о Германе, стереть его и пойти дальше, смеясь. А тут я – каждый день рядом, играю его роль, напоминаю.

Я покачал головой. Не так трудно было стать де Генниным, как снова подобрать ключи к нашему с ней общению. Сможет ли она привыкнуть? Или же мне придется наблюдать за ее дальнейшей судьбой издалека?

Я непроизвольно сжал и разжал руку, оглядывая свои ногти. Привычки тела срабатывали сами по себе, и ритуалы всплывали в памяти практически против воли. Тембр голоса, манера разговора – все это выходило естественно. Напротив, мне приходилось прилагать усилия, чтобы сохранить себя в этом теле.

Что есть моя мысль, а что – привычка Германа? Я разглядываю свою руку, потому что радуюсь возможности снова иметь руки, или же я беспокоюсь о состоянии своих ногтей?

Герман любил свою внешность, это было частью его характера. В открывшейся мне памяти режим дня и расписание недели как минимум треть времени отдавали работе над внешним видом. Это была уже даже не блажь молодого франта, а нечто сродни душевной болезни. И она досталась мне в наследство.

“Надо постепенно убирать все самое глупое и нелепое, – подумал я, сердито сжав кулак, отчего отполированные ногти впились в ладонь. – Оставить только те процедуры, без которых я начну вызывать подозрение”.

Мне нужно было сделать это тело своим. Остаться де Генниным, но быть Константином. Я потерял свою прошлую жизнь, но мне достался второй шанс. Следовало быть очень осторожным, чтобы не потерять и его, ведь на третий судьба уже точно не расщедритя.

– Господин де Геннин? – отвлек меня голос секретаря, что вышел в приемную. – Вас ожидают, пройдите.

– Благодарю, – сказал я и в очередной раз вздрогнул: к своему юношескому голосу я пока тоже не привык.

Передо мной услужливо открылась позолоченная дверь кабинета градоначальника, и я тут же мельком оценил последнего – невысокого мужчину в яркой жилетке цвета абрикосовой пастилы или, как сказал бы Герман – цвета спелого манго.

В собачьей шкуре я этого человека не встречал, а вот у Германа имелось несколько воспоминаний – в основном из медиа. Лично эти двое тоже не были знакомы. Даже странно, что он позвал меня.

Уверенным, но не наглым шагом я прошел вглубь кабинета и поприветствовал хозяина в меру уважительным поклоном. Это было нетрудно: и я, и Герман – оба уделяли большое внимание этикету, и тело точно знало все нюансы моторики. Я же сам теперь еще и обновил свой лексикон: например, таким словом как “моторика”.

– Ваше Сиятельство, благодарю вас за оказанную честь, – начал я и задумался, надо ли представляться, если он сам меня позвал.

– О нет-нет, не стоит этого официоза! – замахал пухлыми ручками толстяк и так быстро засеменил ногами, что буквально подкатился ко мне. – Вы не смотрите, что я вызвал вас в рабочий кабинет. Мне просто нужен был официальный повод для неофициальной беседы. Не в кафе же нам было встречаться, верно?

Он весело сощурился, и в его взгляде мелькнул огонек драматурга, довольного поставленной сценой.

– Полагаю, так, – осторожно ответил я, еще не зная, что ему нужно. – Беседы при большом количестве свидетелей часто привлекают ненужное внимание.

– Божечки! – толстяк смешно прилепнул себя пухлыми ладонями по щекам. – Вы совершенно точно тот человек, что мне нужен! Садитесь, садитесь, молодой человек. Арсений, чаю гостю!

Последняя фраза явно была адресована секретарю.

– Кофе, – поправил я, усаживаясь на указанное место за длинным столом для совещаний.

– Да, кофе, – поправился и Сан-Дonato. – Арсений, кофе!

Я ожидал, что он сядет за свой рабочий стол, в высокое кресло, и будет разговаривать со мной на правах “старшего”. Однако я ошибся. Князь выдвинул стул рядом со мной и, кряхтя, уселся на него.

– Чертова поясница, – пожаловался он. – Застудил как-то, теперь ничего не помогает – ни обычная медицина, ни лекари. Как похолодание, так ноет. Яковлев, зараза, вообще говорит, что это от нервов.

И он принялся говорить о всякой ерунде, жалуясь мне на жизнь – о городских пробках, о стоимости обслуживания купола, о критике со всех сторон и прочих проблемах: его личных и городских. Я кивал, поддакивал, но внутренне все больше напрягался.

Будь я девятнадцатилетним юнцом, коим и являлся настоящий Герман де Геннин, меня было бы легко расположить к себе подобными разговорами – вызвать эмпатию, заставить сочувствовать задержанному старику. И конечно же привлечь выгодой. Однако я таким не был.

На момент смерти мне было тридцать два, у меня имелся богатый опыт в дипломатии, и я прекрасно чувствовал структуру разговора. Сейчас меня к чему-то вели, причем в явном намерении выйти к цели не запугиванием, а расположением к себе.

Я решил подыграть собеседнику, и начал не просто кивать и поддакивать, а делать вид, что проникся его проблемами и сочувствую. Это сразу же вызвало отклик у собеседника: он оживился и стал рассказывать еще более эмоционально.

Пока мы разговаривали, вернулся секретарь. В руках у него был металлический поднос с цветочной росписью, а на нем набор посуды из фарфора: от турки с дымящимся в ней напитком до сливочника. Это меня удивило, ведь я уже успел привыкнуть к кофемашинам. То-то секретарь так долго возился.

Князь лично наполнил мою чашку и пододвинул сливочник и сахарницу – с петлей для щипцов. В сахарнице был колотый тростниковый сахар.

– Я немного старомоден, – улыбнулся мужчина, кивнув на все это. – Люблю ритуалы.

– Я тоже, – ответил я и даже не соврал: современные тенденции пить и есть чуть ли не на бегу меня ужасали.

На несколько мгновений разговор прервался – мы взяли по чашке. Я втянул носом аромат и... ощутил себя в раю. Богатый запах напитка на мгновение ошелотил мои рецепторы. Восторг! Такого кофе в моем прошлом не было.

– Что это за сорт? – не сдержался я.

– О, это всего лишь “Гейша”, – отмахнулся Сан-Дonato. – Весьма популярен в столице, хотя на мой взгляд, переоценен.

Переоценен? Вы не пробовали кофе моего времени – привезенный в старых трюмах, с вечным призвуком если не плесени, то рыбы. Хорошо, что операции Германа никак не отразились на его обонянии – теперь я мог по достоинству оценить богатый купаж запахов действительно достойного напитка.

– Кстати о столице, – будто невзначай перевел тему князь, пока я наслаждался кофе. – Удивлен, что вы не там. Сейчас бальный сезон, а Герман де Геннин, как мне говорили – большой любитель светских развлечений.

– Работа, – поморщился я, не вдаваясь в подробности: в последние дни я был занят исключительно проблемами закрытия лаборатории.

– Да? – хитро улыбнулся князь. – Работа... или любовь?

Он подмигнул мне, а я нахмурился. Точнее, попытался, но протравленные ботулотоксином мышцы лба Германа, к счастью, на такую эмоцию были не способны.

– Знаю, знаю, – протянул с улыбкой Сан-Донато, накладывая себе сахар и принимаясь неспешно его помешивать. – Очень необычная девушка, что сразу привлекла к себе внимание народных масс. Как там ее зовут? Лиза, кажется?

Я не ответил, но князь в ответе и не нуждался. Он вдруг посерьезнел и чуть сменил тон.

– Знаете, талантливой молодежи трудно живется, – сказал он. – В лучшем случае тяжело пробиться, а в худшем неопытные ребята становятся жертвами прожженных интриганов.

Я мысленно поднял бровь, ведь интриган тут явно он, с первых же слов было ясно.

– Великая княгиня Кристина Михайловна показалась мне достойным человеком, – с легким намеком сказал я.

– Ну-у... – взгляд князя стал “загадочным”. – С ней следует быть осторожнее. Высокий титул часто не имеет под собой опоры, но при этом сопряжен с опасностью.

Я едва заметно хмыкнул. Знал бы ты, кому это рассказываешь, старый пройдоха.

– Сама Кристина Михална, разумеется, женщина прекрасная во всех отношениях, – тут же поправился он. – Но видите ли, ее статус... притягивает разных неблагонадежных. Всем ведь кажется, что если иметь влияние на сестру императора, то можно влиять на страну, верно?

– А на самом деле? – поддержал я его мысль.

– А на самом деле если что-то хорошо видно, значит, это лишь отвлечение внимания, – ухмыльнулся Сан-Донато и подался ко мне: – Давайте начистоту, Герман. Я слышал о ваших амбициях.

Я вопросительно глянул на него, и князь тут же продолжил:

– Но бегать по бальному залу, кружить голову богатым старушкам и надеяться, что те помогут со связями – не самый эффективный метод, – уже откровенно усмехнулся он. – Я понимаю, что вы используете любую лазейку – при вашем-то происхождении...

Он выдержал многозначительную паузу.

Мысленно я кивнул: ждал подобной фразы. Сан-Донато был уверен, что нашел слабое место. Ударить по больному самолюбию бастарда — верный способ “подцепить” рыбку. Вот только я не собирался играть такими картами.

Неожиданно для князя я поднялся, коротко поклонился и, сказав “Извините, кажется, я зря трачу ваше время”, демонстративно развернулся. Меня в принципе не интересовали подобные предложения, а уж если он собирается давить на меня унижением...

– Простите, Герман, я совсем не хотел вас обидеть! – тут же подорвался за мной этот “колобок”. – Я имел в виду, что понимаю, сколько трудов вы тратите на поддержание статуса. И я это очень уважаю. Прошу, давайте продолжим наш разговор!

Я смерил его внимательным взглядом и оценил реакцию. Ясно. Значит, я и правда нужен ему для серьезного дела: ради этого он погнался за каким-то сопляком, а не бросил ему в спину что-то еще более унижительное. Стоит выслушать, какого именно дела, прежде чем отказать.

– Что вы хотите? – прямо спросил я у него, возвращаясь на свое место, но уже не с таким уважительным выражением лица, как раньше.

– Нет-нет, что ВЫ хотите? – тут же вернул он свою вкрадчивую и слащавую манеру. – У такого амбициозного и гордого молодого человека наверняка есть серьезные цели.

Я позволил привычным мыслям Германа наполнить мой разум, чтобы понять, как бы он ответил. О да, у прежнего де Геннина было много вариантов ответа и много желаний. Но мне все это было не нужно. Я был доволен тем, что мне вернули жизнь. По сравнению с этим остальная мелкая возня не имела значения.

Князь мое молчание понял по-своему и решил предложить сам:

– Я готов познакомить вас с по-настоящему серьезными людьми, – сказал он. – Вывести в свет как своего протеже. Будете здороваться за руку с членами Государственного совета и рассказывать анекдоты генерал-губернаторам. Что скажете?

Я представил это – свою нынешнюю напомаженную женоподобную тушку в окружении действительно серьезных лиц государства. Настоящий Герман де Геннин с такими никогда не общался и не понимал, как нелепо выглядел бы. Он согласился бы, не раздумывая. А я...

Зачем мне это? Добровольно в клетку со львами? Благодарю, не нужно. Гонять с Лизой мелких преступников по промзонам куда интереснее и, что самое главное – безопаснее.

Похоже, моя столь продолжительная незаинтересованность в предложении заставила князя нервничать. Наверное, сейчас он начал сомневаться в том, верные ли сведения ему подали об “амбициозном мальчике” Германе де Геннине. На лице мужчины появилось кислое выражение.

Я решил его немного поддержать, чтобы не ломать образ де Геннина так уж сразу – меняться следовало постепенно, не вызывая подозрений.

– Мне не нужны генерал-губернаторы, потому что я бы хотел познакомиться с настоящими правителями государства, – ловко развернул я разговор. – Если вы понимаете, о ком я.

Пару мгновений лицо Сан-Дonato выражало недоумение, а потом он буквально расцвел довольством. Хлопнув себя по тучному колену, он сказал:

– Уважаю! Нет, правда: вы действительно перспективный молодой человек. Как это точно подмечено – не с генерал-губернаторами, а с НАСТОЯЩИМИ правителями!

Он поднял вверх указательный палец, будто придавая словам особый смысл, и в очередной раз подмигнул мне.

– Идет, – сказал он. – Я действительно знаком с неким... скажем так... закрытым кругом лиц. Более того, даже являюсь его частью. Вы как человек проницательный, надеюсь, понимаете, что болтать об этом не стоит?

Я кивнул. Хотя болтай не болтай – сплетни все равно ходят.

“Впрочем, отделить сплетни от правды для лучшего понимания жизни этого общества было бы не лишним”, – поправил себя я и тут же перестроился, начав разыгрывать амбициозного юнца, которого так хотел видеть Сан-Дonato:

– Скажите, а ваша семья действительно может всё? – спросил я, подбавив в голос почти искреннего юношеского восхищения.

Сан-Дonato расплылся в польщенной улыбке.

– Ну, не всё, конечно, – протянул он. – С того света людей не возвращаем и Закордонье, как видите, до сих пор не зачистили. Но во всей остальной части планеты... Да, мы можем все. Все, что скажет действующий глава семьи.

– Дмитрий Демидов? – уточнил я, мельком проанализировав память Германа и мигом выделив особую личность среди его разрозненных знаний.

– Лучше говорить Дмитрий Олегович, раз уж вы решили работать на нас, – ухмыльнулся Сан-Дonato. – Мы не зовем друг друга по фамилии – ни к чему.

Я кивнул. Разумеется: фамилия у них у всех одна, даже если ее меняют. Она и в мое время уже звучала как вечная кость в горле у Императора, а теперь и подавно. Демидовых всегда держали подальше от столицы, опасаясь, как бы они не взяли слишком много власти. А в итоге отдали им Сибирь на блюдецке с голубой каемочкой.

Судьба смеется редко, но всегда так, что больше никому не смешно.

– Прежде чем вы выскажете встречные требования, можно вопрос? – сказал я.

– Ах, как мне нравится этот деловой подход! – восхитился князь. – Вам точно девятнадцать лет, молодой человек?

Я мысленно обругал себя, но, к счастью, вопрос был риторический, и князь просто принял меня за некоего политического вундеркинда.

– Конечно, задавайте свой вопрос, – разрешил он. – Я весь внимание.

– Как Демидовы захватили власть? – прямо спросил я и уставился на него. Это был единственный вопрос, который действительно был мне интересен, ведь он явно был следствием краха моих наставников.

– Хых, – ухмыльнулся Сан-Донато. – Я думал, об этом в каждом учебнике истории написано.

– Учебники пишутся победителями, – сказал я.

– Верно подмечено, – согласился князь. – И все же вы будете удивлены, однако учебники не врут.

И он принялся рассказывать.

По словам Сан-Донато, все это началось довольно давно – когда некий горнопромышленник Никита Демидович Антуфьев так впечатлил Петра Первого своими трудами, что тот решил пожаловать ему дворянство. И даже почти подписал документ. Однако злые языки оболгали честного бизнесмена, и дворянство ему так и не выдали.

Долгие годы уже сыновья Никиты пытались восстановить справедливость. В итоге власть пошла навстречу, но...

– Вот тут-то и начинается настоящая история успеха, – заверил меня Сан-Донато. – Дай они тогда Демидовым дворянство, как у всех, сыновья Никиты и были бы как все. Но нет, Романовы испугались, что такие серьезные промышленники начнут представлять угрозу для власти. И знаете, что?

– Что? – послушно спросил я, хотя уже догадывался, что он скажет.

– Они привязали дворянство к Уралу и Сибири! – с возмущением сказал Сан-Донато. – Мол, будьте дворянами, раз вам нейдет, но там, где мы вас не видим и где вы нас не достанете. Разве это справедливо?

Я хмыкнул. Красивая легенда, гладкая. Сразу подсказывает, кому надо сочувствовать. И слегка так утаивает, сколько золота, наемных ватаг и связей было у Демидовых уже в ту пору.

Они не просто выпросили свое дворянство. Они выставили ультиматум: или мы станем дворянами, или ваша с трудом организованная металлопромышленность и горная добыча летит к чертям, а мы продаем Урал и Сибирь тем, кто купит – Империи Цин, например.

Сан-Донато тем временем продолжил:

– Именно это унижительное ограничение, этот собачий поводок и стал стимулом к развитию нашей семьи, – сказал он. – Мы развивали отданные нам во владение земли. Мы честно поднимали бизнес и платили налоги. И все же нас не уважали настолько, что даже ко двору никогда не приглашали!

Я с изумлением поднял брови.

Это Демидовых-то не приглашали ко двору? Ну да, ну да. Попробуй их не пригласи – сами явятся и хорошо, если без охраны из пары десятков боевых магов. Был только один бал, на который они не пришли – тот самый. И у меня имелись предположения, почему так случилось. Которые Сан-Донато тут же подтвердил:

– В тот роковой год – в рождество 1860 года – Демидовых в очередной раз не позвали на открытие бального сезона, – скорбно сказал он. – Посреди праздника Романовы организовали какой-то порталный эксперимент на потеху публике и сами же погибли из-за Прорыва Скверны, попутно уничтожив западную часть страны.

Буря негодования поднялась в моей душе так резко, что я с трудом сдержал ее. Это ж надо было так перевернуть правду! А как гладко звучит – не придерешься. И ни одного свидетеля, чтобы доказать обратное – все давно истлели.

“Хотя какой смысл сердиться на этого попугая? – успокоил себя я. – Его тогда и на свете не было. Возможно, он даже верит в то, что говорит”.

– Мои же предки были привязаны дворянством к Сибири и потому выжили, – закончил тем временем Сан-Донато. – Судьба, она все расставляет по своим местам. Каждый получает по заслугам.

Я непроизвольно скрипнул зубами. По заслугам? Я бы “раздал по заслугам”. Жаль только, некому уже – все виновные давно умерли. Даже мстить нет смысла.

Усилием воли я расслабил напрягшееся было тело и в тысячный раз отпустил давно истлевшее прошлое, о котором теперь не помнил никто, кроме меня.

– И заметьте, молодой человек! – Сан-Донато вновь поднял палец. – Демидовы никогда не держат зла, и даже после той трагедии постарались возродить клан Романовых. И до сих пор мы помогаем им, не требуя славы и признания.

На этот раз я искренне не знал, что на это сказать. Он бы определился: я политический вундеркинд, который читает между строк, или все-таки глупый отрок, что верит в сказки.

– Так что, хотите работать с по-настоящему влиятельными людьми? – подытожил Сан-Донато. – Если да, то уже на следующей неделе вы поедете в Столицу – бальный сезон ждет вас. Вас и вашу даму, разумеется: девушки любят такие развлечения.

Он подмигнул мне.

– Она без брата не поедет, – заметил я.

– Да-да, конечно, – отмахнулся Сан-Донато. – Честно говоря, Кристина Михална отправила приглашения для всей вашей команды. Вон, на столе лежат.

Он махнул головой, и я увидел небольшую стопочку конвертов. Однако брать их не торопился.

– Так что взамен на продвижение? – спросил я. – Вы так и не сказали.

– О, самая малость, – отмахнулся Сан-Донато. – Всего лишь следить, чтобы ваша подружка и ее брат ничего не натворили. А если начнут вытворять или если с ними начнут беседовать НЕПРАВИЛЬНЫЕ люди...

Он выделил голосом это слово, выдержал паузу и закончил:

– ... доложить мне.

Некоторое время я думал, не послать ли его куда-нибудь на Аляску. Но потом вспомнил, что моей Пуговке уже восемнадцать лет или даже больше, а она ни разу не была на балу – пластмассовая ассамблея Сан-Донато не в счет. Наставники не простили бы мне, если б узнали, что я не вывел девочку в свет, хотя мог.

“Да и Лизе не помешает развеяться, сменить обстановку и забыть о случившемся”, – мелькнула в голове еще одна важная мысль.

– Идет, – сказал я.

Сан-Донато расплылся в довольной улыбке, и мы пожали руки.

Глава 3

Лиза

– Маш, мы так на поезд опоздаем, – укорила я подругу, оценив, сколько она взяла с собой багажа. – Твой водитель неделю будет это грузить!

– Стоянка “Ласточки” в Нижнем Тагиле двадцать минут, – отмахнулась Маша. – И не так уж много я с собой взяла – только самое нужное. Вот Герман...

Она начала и споткнулась, как часто с нами бывало в последнее время при упоминании его имени. Причем все в этот момент почему-то косились на меня. Видимо, искренне считали, что я влюблена в него и тоскую. А я...

А что я? Сама не могла понять, что чувствовала по этому поводу. Мои эмоции на этот счет были как дешевый смеситель: то горячая вода идет, то холодная, и никак на теплую не настроить.

Хорошо хоть, Константин это, похоже, понял и старался держаться отменя подальше. Наверное, у меня на лбу было крупными буквами написано, что я попеременно хочу то пощечину ему влить, то слезу пустить.

“Наверное, если б Герман действительно умер, было бы проще”, – подумала я.

Но его тело продолжало ходить на занятия, улыбаться, делать комплименты дамам – Константин умело играл его роль.

Сам пленник дремал где-то внутри. Машка наловчилась отделять эмоции Константина от эмоций Германа, а потому то и дело сообщала мне, когда пленник “просыпался”. Причем просыпался он обычно при виде меня: по словам Маши, все еще испытывал ко мне остаточную привязанность.

А что самое поганое, Машка повадилась подбирать для этого выражения, которые будто специально больно били по нервам.

“Он тебе радуется, как щенок! Совсем на себя прежнего не похож”, – изумлялась она, не понимая, что именно это царапает душу сильнее всего.

“Я не хочу знать, что он теперь “милый щенок”, – возмущенно подумала я. – Если уж вышвыривать его из жизни, то исключительно как мразь, которая пыталась меня убить”.

К счастью, в столицу Константин поехал один, и “щенок” увез в себе. Мы же нынче путешествовали вчетвером – я, Кирилл, Маша и Карл. Ребята сказали, что в столице уже две недели как открылся бальный сезон, и я рассчитывала, что это позволит мне забыть случившееся. Тем более, что студентам разрешалось брать на это недельный отпуск.

– И все же я бы предпочел снять номер, – в очередной раз сказал Карл, когда мы уже выходили на перрон – через отдельный вход, для VIP-персон, ведь купили билеты в вагон для аристократов.

– И потом платить за этот номер кредит всю оставшуюся жизнь? – фыркнула Маша. – Ты хоть знаешь, в какие суммы обходится жизнь в столице? Не глупи, отец сам предложил вам остановиться у нас. Все в порядке, я раньше часто подруг приглашала.

– Так то подруг, а я... – начал было Карл и многозначительно замолк, не договорив.

Я хмыкнула, поглядев на выражения их лиц. Ох, чую, меня ждут веселые денечки. Запахло попкорном.

Нет, Яковлев-старший, как я уже знала, не был менталистом – Дар моей подруге достался от матери. Но суть и глубина отношений Маши и Карла были видны невооруженным взглядом. И если Карл был непроницаем, будто выключенный экран, то Машка порой фонила влюбленностью так, что люди оглядывались. Менталистка, что тут скажешь?

– Чую, кому-то придется официально просить у господина Яковлева руки и сердца его дочери, – шепнула я Кириллу, кивнув в сторону нервничающего Карла.

– Что значит “придется”? – не понял Кир. – Разве мы не за этим едем?

Я закатила глаза. С исчезновением из нашей жизни Германа склонность Кирилла к идеализированию жизни аристократов только обострилась. Он выдумал себе некий образ благородного воина-мага, единственный смысл жизни которого – достойно служить отечеству. И свято верил, что мы таких не встречали просто потому, что Тагил – это глушь. А вот, мол, в столице все должны быть другие.

С утверждением про глушь я поспорить не могла. Так про Нижний Тагил высказывались и студенты “Армады”, и заводчане, и гости города. Да, город был огромным, но исключительно промышленным. Аристократы сюда если и приезжали, то ненадолго, по делам.

“А теперь посмотрим на эту их хваленую столицу”, – с энтузиазмом подумала я, первой подавая билет вагонновожатому.

“Имперская ласточка” долетала от Нижнего Тагила до Екатеринбурга меньше, чем за два часа. Это был элитный государственный транспорт. И если раньше я думала, что он был дорогой, то когда мы зашли в VIP-вагон...

– А нас отсюда не выставят? – смущенно спросила я, оглядывая золоченый дворец с изящной мебелью, даже отдаленно не напоминающей типичные кресла электричек.

– А я тебе говорила, что нужно одеться поприличней! – укорила меня Маша.

Я отмахнулась. Хорошие платья у меня были – Константин даже новые прислал, продолжая играть роль Германа. Но именно поэтому мне и не хотелось их надевать. Так что я носила одни и те же, периодически сдавая их в прачечную “Армады”. От продолжительной носки одежда становилась все мягче и удобнее... но при этом все менее презентабельной.

“Ну и ладно, – пожала я плечами и пошла искать свое место. – Кому не нравлюсь – тот сам виноват!”

На удивление, немногочисленные пассажиры VIP-вагона не обратили на нашу компанию особого внимания. Точнее, каждый по разочку окинул нас взглядом, скривился и больше не смотрел в нашу сторону, будто мы были пустым местом.

– Вот одного не могу понять, – сказала я, когда мы заняли свои четыре комфортабельных кресла. – Почему аристократы на электричках разъезжают? У них что, личных автомобилей нет?

– Удивишься, но действительно нет, – сказала Маша. – В столицу не пускают с бензиновыми двигателями. Только артефактно-спиртовые или паровые гибриды.

– А в чем проблема купить? – не поняла я. – Их ведь здесь же производят, в Сибири.

– Значешь “аристократ” – еще не значит “богатый”, – серьезно заметила Маша. – Да и богачи обычно предпочитают вкладываться в собственный бизнес, а не в выпендреж. Рассекать на элитных тачках – это больше для “золотой молодежи” подходит.

– А ты? – решила уточнить я. – Твоя семья богатая?

Маша задумалась.

– Как сказать? – протянула она. – Ну, активы большие, как и прибыль. Но бюджетом заправляет мама. А она у нас очень строгая в этом плане: заставляет обосновывать каждую мелкую трату, так что на яхты-тачки денег не допросишься. И ей не соврешь, менталистка все-таки.

– А папа? – заинтересовалась я.

– А папа мечтатель, – Маша улыбнулась. – Идеалист, максималист, верит в народ и в свои идеи. Ну, собственно поэтому бюджетом и занимается мама: если его доверить папе, он быстренько потратит все на очередной научно-медицинский проект.

Я усмехнулась. Забавная у них семейка, похоже.

– Я могу остановиться в рабочем районе – там цены вполне адекватные, – вернулся к прежней теме Карл и показал Маше экран своего смартфона, с ценами.

– ... и без пропуска или приглашения тебя в верхний Екатеринбург не пустят, – тут же возразила менталистка. – Просидишь неделю в рабочем районе. Какой смысл в такой поездке?

Я решила вмешаться в их спор и внести свою лепту:

– Забей, Карл, – посоветовала я ему. – Расслабься и получай удовольствие. Машка в твоём именном халате все равно уже стрим вела. Полстраны посмотрело.

– Ну, не полстраны... – смутилась подруга. – Там максимум полтора миллиона просмотров.

– Вензель Нобелей крупным планом... – напомнила я, многозначительно поиграв бровями.

У меня были подозрения, что Машка сделала это специально – очень уж качественно вышивка попала в кадр. Но подруга упорно не признавалась. И потому подкалывать её этим было одно удовольствие!

– Короче, Карл, – обернулась я к растерянному и хмурому парню. – Если ты не явишься пред очи Яковлева-старшего, а явится Кирилл, то жениться на Машке придется именно Кириллу, ведь все подумают на него. А он еще маленький.

– Эй! – возмутился мой “братец”. Правда, непонятно, чем: тем, что маленький, или тем, что жениться заставляют.

Карл еще немного искал здравые возражения, но их не было. Пришлось всем оставить тему и сделать вид, что пейзаж за окном слишком увлекательный.

Природа и впрямь была красивая. Денек сегодня выдался морозный, а потому солнечный. Хвойные леса были укрыты сугробами и снежными шапками. От наблюдения за ними слегка кружилась голова – очень уж быстро ехал поезд. И это головокружение и негромкие светские разговоры вокруг убаюкивали.

– ... канцлер заявил, что с османами больше никаких дел... – едва прорывались сквозь полудрему чужие слова.

Я не следила за ними, а потому обрывки разговоров складывались в нелепый калейдоскоп:

– ... возмутительно! Это жестокое обращение с животными! Расстреливать надо за такое!...

– ... а Разумовская и говорит: вы, мол, сначала дотянитесь до моего уровня, а потом поговорим о правах...

– ... паркуются прямо на розах. И даже эвакуатор не вызовешь: это же не частная собственность и выезд они формально не мешают...

– ... надо запретить! Ну и что, что насильник? У нас рождаемость падает...

– ... Искраженные... Просто жахнуть бомбой, да и все...

– ... а он и говорит...

– ... НДС... налоги...

– ... смотри, слюни пустила...

– ... не будите... всю ночь на крыше просидела...

– ... посттравматическое... а Константин еще...

Хр-р-р...

– Лиза. Лиз!

Кто-то хлопнул меня по плечу, и я резко открыла глаза. Что? Где? Ой. Задремала, как старая бабка – всю дорогу проспала.

Я потеряла лицо ладонями и огляделась. Аристократы один за другим поднимались со своих мест, брали ручную кладь, и шелково-меховая толпа неторопливо продвигалась к выходу, откуда уже веяло зябким сквозняком. Друзья тоже поднялись и проверяли, не забыли ли чего.

Я зевнула и глянула в окно. Там, сквозь белые клубы потрескивающего разрядами пара виднелся город. Еще более унылый, чем Нижний Тагил.

– Мы что, проехали свою остановку? – не поняла я.

– Нет, но если сейчас не выйдешь, то и правда проедешь и укачишься в депо, – заметила Маша. – Вставай уже, засоня.

Кирилл подал мне руку, и я, еще не очень хорошо соображая, вышла из вагона.

Зябкий январский ветер мигом прогнал сонливость, и я окончательно проснулась и огляделась. Стойки с бордовыми бархатными канатами и охранники отделяли нас от толпы простых людей. Но тем не было никакого дела до нас: подняв воротники, они торопились кто к зданию вокзала, а кто – к выходу в город.

Я поглядела на город, что виднелся между двумя зданиями, и нахмурилась. Грязь, обшарпанность, унылые человеичники и вечно торопящиеся куда-то однотипно одетые толпы. Ну и где столичные франты? Где золото, шик и аристократия?

А еще здесь было как-то... нуарно. Вот-вот ближайший прохожий достанет из кармана серого плаща пистолет, выстрелит, а все пройдут мимо столь обыденного явления.

– И это столица? – не поверила я.

Мое удивление было понятно. Уж больно сильный был контраст между ожиданием и реальностью. Даже в порядком застиранном платье и поистрепавшемся от неаккуратной носки мантио я все равно выглядела лучше “столичных жителей”.

– Смеешься? – фыркнула Маша. – Вон она, столица.

Подруга указала пальцем куда-то вверх. Я задрала голову.

Высоко в небе над нами парила в воздухе темная махина, загораживая треть небосвода, а вместе с ним – солнце. Из ее темного днища то и дело стекали клубы пара, но они тут же распадалась на клочки и рассеивались в воздухе.

– Это как это? – почесала я в затылке, разглядывая чудовищное сооружение, которое парило в воздухе, будто так и надо.

– Итс э кайнд оф мэджик, – пропела Машка и тут же пояснила: – Антиграв-артефакты в огромном количестве – вот и весь секрет.

У меня за спиной присвистнул Кирилл.

– Это же сколько их там должно быть, – не поверил он.

– Много, Кирилл, много, – подтвердила Маша. – Поднять свое поместье в воздух и пристыковать его к столице – это как доказать всему миру, что твоя семья влиятельна. Здесь живут не просто аристократы, а богатые аристократы. Так вы идете?

– А туда разве можно “дойти”? – хмыкнула я. – Может, лучше порталом?

– Даже не думай! – тут же забеспокоилась Маша.

– Почему? – удивилась я. – Расстояние, вроде, небольшое.

– Ты что, там же блокираторы везде! – ужаснулась подруга. – Не знаю, как работает твоя магия, но что, если ты рухнешь оттуда?

Она снова показала наверх, а я почесала в затылке, прикидывая, смогу ли спастись, если буду падать с такой высоты. Пожалуй, даже если сокращу падение порталом, без тотальных переломов всего и вся не обойдется. Как минимум, будет больно. Очень.

– Ладно, – сказала я. – Как тогда туда добираются?

– Проще всего – на дирижаблях, – пожала плечами подруга и повела нас по огражденному бархатом коридору для высокородных особ.

Мы прошли в здание напротив. Оно оказалось вовсе не вокзалом, а станцией местного метро. Причем метро для аристократов – расположенное на высотной эстакаде.

Ультрасовременный вагон помчался по монорельсу абсолютно бесшумно – то ли на магнитах, то ли вовсе на артефактах. Сквозь панорамное окно можно было оценить тысячу оттенков

ков серого цвета – бесконечные жилые массивы, будто бушующее в шторме море, простирались до самого горизонта и утопали в серой хмари.

Изредка на них виднелись цветные “корабли” торговых центров. А еще, будто пуповины, к летающей в небесах машине тянулись какие-то неприятного вида канаты.

– Что это? – спросила я, указав на них.

– Где? – не поняла подруга. – Ах, это. Так полимерные якоря же. Чтобы город ветром не сносило.

– Якоря? – не поверил Кирилл, услышавший наш разговор. – Такой длины? Да тут километра четыре, а то и все десять! Это ж сколько такой якорь весит?

– Не знаю, – Маша беспечно пожала плечами и хмыкнув, добавила: – Но уж всяко поменьше города в небесах.

– Ах да, точно, – хлопнул Кирилл себя по лбу. – Антигравитационные артефакты.

– Именно, – кивнула Маша. – Ты не задумывайся, а то голову сломаешь. Такими расчетами занимаются высокочеловеческие инженеры. Это они думают, что выгоднее – якоря или двигатели, доставка воды или полный цикл ее очистки.

Но Кирилл все же задумался. Судя по виду, всерьез примеривался к идее новой профессии. Вот уж где его любимая артефакторика точно правила бал!

Я же стояла открыв рот и искренне офигевала от нелепости этого сооружения. В чем был смысл поднимать в воздух целый город, если он все равно привязан к земле этими “пуповинами”?

Все это жутко напоминало мне какой-нибудь киберпанк с одной лишь разницей: унылый город внизу не был расцвечен неоновыми огнями. Серая масса жителей нижнего мира текла по венам города, как кровь давно протухшего зомби. И все это вызывало только одно желание: покинуть поскорее это унылое место.

У меня мелькнула была мысль, что это лишь взгляд со стороны, и если в городе скопилось так много людей, значит, их притянула сюда какая-то выгода. Но мысль эта быстро улетучилась: мы добрались до станции стыковки дирижаблей.

Всю дорогу на нас не обращали никакого внимания. Аристократы просто делали вид, что нас тут нет. А вот охрану на станции мы заинтересовали.

– Предъявите документы, пожалуйста, – обратился к нам мужчина в красивой форме под старину: со сверкающими круглыми пуговицами и золотыми кантами в швах.

Мы с Кириллом полезли за паспортами – благо, не потеряли их еще. Но Маша вышла вперед.

– Это что еще за хамство? – возмутилась она. – Неужели не видите, что они со мной? И вообще, их сама Великая княгиня Кристина Михайловна пригласила.

– Простите, госпожа Яковлева, – тут же “сдулся” охранник. – Работа такая.

Он неловко развел руками.

Машка же вздернула нос и окинула его ледяным взглядом.

– Я еще утром заполнила на них заявку, – сказала она. – Попрошу не задерживать! Или прикажете мне ждать следующего дирижабля?

– Никак нет, госпожа Яковлева! – подтянулся мужчина. – Ошибочка вышла.

– Бюрократы, – буркнула Маша и подтолкнула меня в спину, чтобы я шла через контур для досмотра. – Иди, Лиз, иди. Дирижабль рейсовый, ждать не будет.

Я пожала плечами и шагнула через рамку. Раздался щелчок, гудение, и я ощутила, как сквозь мое тело прошел некий магический конструкт – видимо, сканирующего типа, потому что охранник тут же прокомментировал:

– Все чисто, проходите, леди.

Один за другим мы миновали зону досмотра и по слегка покачивающемуся “рукаву” зашли в очередной транспорт.

На этот раз аристократы – все те же, с которыми мы ехали на “Ласточке” и на монорельсе – глянули на нас уже не с презрением, а с любопытством. Видимо, сам факт того, что нас пропустили на дирижабль, означал принадлежность к “своим”.

– А почему нельзя было сделать станцию дирижаблей сразу на месте прибытия “Ласточки”? – не поняла я.

– Там есть, но грузовая станция, – пояснила Маша. – А эту поближе к элитной недвижимости поставили: у старых особняков. Вон, смотри на тот берег.

Она указала за окно, где виднелся водоем. Я присмотрелась, и глаза мои широко открылись.

Это выглядело так, будто вода разделила две разных страны. По одну сторону были офисные здания и человеиники, по другую – дворцы. Дирижабль как раз отстыковался и начал медленно подниматься, давая полюбоваться сверху красивейшими комплексами зданий и добротным ландшафтным дизайном.

– Ничего себе, – присвистнула я. – Представляю, какие богатеи там живут.

– Да не намного богаче тебя, – хихикнула подруга. – Вон, у вас с Кириллом теперь тоже есть особняк. И что, это сделало вас богатыми?

– Нет. Наоборот, – тут же отозвалась я.

– Вот именно, – кивнула Маша. – Ты не смотри на величие и дороговизну фасада. Внутри, бывает, такие долги, что их хозяева беднее распоследнего бомжа: у того хотя бы кредитов на миллиарды нет.

Я удивилась, но теперь совсем другим взглядом окинула “элитный район”. А ведь и правда, никак не узнать, действительно ли богаты владельцы этих зданий, или давно уже спят и видят, кому бы продать эту обузу.

– Мама называет это “мертвая недвижка”, – сказала Маша. – Эти здания нельзя сносить – архитектурная ценность. При этом даже их обслуживание обходится в нехилую сумму.

– А продать? – предложил Кирилл.

– Кому? – фыркнула Маша. – Все, кто мог купить, уже там.

Она ткнула пальцем в темную громаду города в небесах.

– А городу продать? – предложила я. – Под музеи там или больницы. Вон, какая замечательная получилась бы психушка из того розового особняка – закачаешься!

Я показала на комплекс зданий с большим садом вокруг.

– А городу это зачем? – мрачно хмыкнула Маша. – Ему эти особняки и так регулярно бесплатно дарят – когда с долгами не справляются.

– М-да, – протянула я. – Что-то жизнь у вас, аристократов, не сахар. Мне моя куда больше нравится.

Машка рассмеялась.

– Да просто управляющих надо хороших нанимать, – сказала она. – Ну, или самому за бизнесом следить, как Герман.

При слове “Герман”, все опять помрачнели, и разговор стих. Серая масса нижнего города постепенно опускалась вниз, а мы начали таранить облако.

Мне почему-то всегда думалось, что облака должны быть густыми. Но то ли дело было в зиме, то ли облако было слишком тонким, но вскоре оно стало просвечивать. В какой-то момент порыв ветра откинул кусок водных масс, и я увидела жутковатое “дно” верхнего города.

Это была не земля с выдранными вместе с ней деревьями, а всего лишь металлическая конструкция с артефактной разметкой. Выглядело все очень технологично: какие-то решетки, разводки проводов, трубы и подвесные мостки на рельсах – видимо, для обслуживания.

“А удобно, – подумала я. – Если прорвало трубу – траншеи рыть не надо”.

Но тут же я представила, как вода из такой трубы льется на головы горожан вниз. И хорошо, если просто вода, а не содержимое канализации. Наверняка ведь и такие аварии бывали.

Пока я представляла себе дождь из фекалий над серым миллионником, дирижабль наконец преодолел уровень облаков, и нашему взгляду открылся залитый золотым солнечным светом... рай.

Это выглядело потрясающе. Уж не знаю, из чего делали этот плывущий в облаках город, но он выглядел так, будто все вокруг было из золота – пешеходные мостики, перила, затейливые фонари и сами здания. Все сияло и сверкало – идеально отполированное, без единой пылинки. Даже снег и тот будто подрядился подрабатывать тут, отражая солнечный свет.

Это был воистину имперский стиль – не громоздкий, но просторный, полный света и почти осязаемого богатства. Всё, даже пышные голубые ели, выглядело как с открытки. А уж люди, прогуливающиеся по улицам, и вовсе напоминали высококлассных актеров, идеально играющих роль в фантастическом фильме.

– Маш, почему ты ни разу не показывала этого на своем канале? – изумилась я. – Какую-то сраную ассамблею Сан-Донато показывала, а это – нет.

– Тут съемка запрещена, – вздохнула Маша. – Народ не должен видеть, как на самом деле живут аристократы. Да и на ассамблее я хотела снять вовсе не дворец Сан-Донато, а кое-каких важных гостей.

Я припомнила, что и правда подруга хоть и описывала своим подписчикам интерьеры жилища князя, сосредоточилась тогда все-таки на сплетнях. Теперь стало понятно, почему: что ей пластмассовые красоты, если она с детства жила в эдаком золотом раю?

Я проводила взглядом фонтан, рассыпающий радужные искры. Подогретая и подсвеченная снизу вода взлетала вверх искристыми струями, резвясь среди скульптур золотых русалочек, и опадала обратно – в густой пар над бассейном. Но мелкие капли все же разлетались вокруг, оседая на перилах, скульптурах, елях и прочих красотах, покрывая их коркой сверкающего льда. И, пожалуй, последнее было даже более чарующим, чем сам фонтан.

Тем временем дирижабль наконец пристыковался, и его закрепили у пирса. Щелкнула автоматика, и наше транспортное средство перестало покачиваться, став единым целым с плавающим городом. Аристократы тут же потянулись по своим делам, и мы следом за ними ступили на резную плитку.

Впрочем, кое-кто задержался.

– Ну чего ты? – обернулась Маша, когда поняла, что Карл остался в дирижабле – в десяти сантиметрах от стыковочной линии.

– Мне здесь не место, – сказал Карл, как-то странно оглядывая золоченые здания.

– Да брось! Серьезно? – эмоционально отреагировала Маша.

Она вернулась, схватила его за руку и практически силком выволокла наружу. За спиной Карла служащий со щелчком закрыл золоченую калитку, будто отсекая путь назад. На броне набросился высотный ветер с клочками облаков.

– Ты – официально признанный Нобель, – с напором и, похоже, долей ментального давления сказала Карлу Маша. – Да, с не очень чистой кровью, бывает. Но официально признанный, полноправный и единственный наследник семьи. Так что добро пожаловать в Столицу.

Она сделала приглашающий жест, и Карл, вздохнув, нехотя шагнул на узорчатую плитку.

Довольная Машка приосанилась, подхватила его под руку и зашагала вперед, то и дело кому-то кивая, помахивая рукой, а то и приветствуя по имени-отчеству. И ей благосклонно кивали в ответ и довольно часто – улыбались.

Это выглядело забавно. Будто маленькая принцесса вернулась после прогулки домой, во дворец. Она тут была не самая статусная, но точно своя.

Аура ее золотого сияния частично распространялась и на Карла. И хоть тот умудрился одеться так, что походил на всклокоченного черного ворона, рядом с Машей он выглядел, как ее неотъемлемая часть. Они идеально уравнивали друг друга: черное и белое, мрак и позитив. Как тут и было.

– Они такие милые, – пихнула я Кирилла локтем в бок.

– Да, очень, – сказал тот. – Особенно вон те, с крыльями.

– Куда ты смотришь? – возмутилась я.

– На статуи, – растерялся он, указав на мраморных купидонов. – А ты куда?

Я сделала фэйспалм. Кирилл такой Кирилл...

Неожиданно небо над нашими головами с ревом разрезали три стальных клина. Мы с Кириллом непроизвольно пригнулись, хотя истребители уже скрылись вдаль, оставив в небе только инверсионный след и остаточное эхо гула. Зато над городом раздался тревожный звук сирены.

Сирены?

Мое сердце сбилось с ритма и застучало в два раза чаще. Непроизвольно я вскинула руки, готовясь навести эвакуационный портал. Рядом со мной схватился за рукоять кинжала Кирилл, да и всегда невозмутимый Карл вздрогнул и насторожился.

– Уважаемые жители и гости города! – раздался из динамиков мелодичный женский голос, перемежающийся звуками сирены. – Воздушная тревога! Пожалуйста, пройдите в ближайший пункт защиты. Повторяю: воздушная тревога...

Мы с Кириллом закрутили головами, но жители города и не думали паниковать. Улыбки не поблекли на лицах, прогуливающиеся парочки не ускорили ход. Аристократы только потянулись к защитным артефактам. Спустя несколько мгновений тут и там вспыхнули едва заметные энергетические щиты, и люди продолжили свою прогулку.

– Маш? – с намеком окликнула я беспечно топающую вперед подругу.

– А? – обернулась та. – А, тревога! Не обращайтесь внимания, у нас часто такое – Кордон близко. Наверное, опять теневые драконы пробились или еще что-то такое.

– И ты об этом так спокойно говоришь? – я многозначительно округлила глаза.

– Ой, – Маша закатила глаза. – Да правда, забейте. Тут такая ПВО, что даже воздушный флот Китайской Империи может сбить прямо на аэродромах этой самой империи.

– Но тревога... – подняла я палец.

– ... включается ради галочки, – перебила меня Маша. – Ничего, вы привыкнете. Вон, даже дети не боятся.

Она кивнула на двоих малышей, прогуливавшихся то ли с няней, то ли с гувернанткой: ребята зактули пальцами уши, но даже не думали паниковать. Один так даже ругался на ближайший громкоговоритель.

– Ну, не бывает райских мест: везде есть какие-то минусы, – философски отметила я, и мы пошли следом за Машкой в ее родовое гнездо.

Глава 4

Кирилл

О, да-а... столица...

Я говорил, что этот мир отсталый в артефакторике? Был неправ. Приношу глубочайшие извинения. Мне очень стыдно за свою предвзятость: я принял естественное расслоение общества за его общую научную отсталость.

Люди, что проектировали этот летучий город, определенно были знатоками своего дела. Да я даже в прошлом мире такого не видел! А ведь бывал во дворце самого Императора и думал, что меня ничем не удивить. Но это тонкое сочетание артефактов и техники...

“Эх, я-то надеялся стать местным светилом артефакторики”, – тут же вздохнул я.

Увы, тут явно были и свои мастера. К тому же, если я правильно понял, каждая корпорация содержала свой личный, закрытый штат, а может, и развитые сети лабораторий по всей стране и миру. Если даже какой-то выскочка де Геннин пытался провернуть нечто подобное, то очевидно было, что остальные прошли по этой стезе гораздо дальше.

– Вон там станция переработки отходов. А там уловители влаги, – указывала Мария. – Вы в ту сторону не ходите, там жесткое подавляющее поле: такое сильное, что некоторых с непривычки мутит.

– Здесь оно тоже есть, – не преминул отметить я, ведь уже несколько раз чувствовал неприятное давление – вроде того, в лаборатории Германа, но слабее.

– Да, – подтвердила Мария. – Здесь слишком много одаренных – по сути, каждый встречный. Поэтому ради общей безопасности пешеходные зоны оснащены подавителями магии разной мощности.

– А это не вредно? – поинтересовалась Лиза.

– Нет, – покачала головой Мария. – Но бесит очень сильно. Меня потому и отправили учиться в “Армаду”, а не в столичную академию – из-за подавителей.

– Почему? – не поняла Лиза.

– Так мне же для развития Дара надо на ком-то тренироваться, – развела руками менталистка. – А как, если Дар работает только дома, да и то не везде?

– Ну-ка, я попробую – поле, вроде, слабое, – сказала Лиза, вскинула руки и явно попыталась открыть портал, но у нее не получилось – она просто махнула руками в воздухе.

Однако подруга не сдалась. Лиза напряглась так, что вздулись вены на лбу, и прикусила губу, но портал все не открывался. Разряженные в меха аристократы, что проходили мимо, стали бросать на нее насмешливые взгляды.

– Не мучайся, – посоветовала ей Маша. – Здесь и правда есть участки, где можно пробиться. Но шкурка выделки не стоит – слишком много энергии угробишь.

Лиза еще немного попытала и сдулась – преодолеть подавители магии ей было не под силу. Я же задался другим вопросом:

– А аристократы не возмущены тем, что их, по сути, насильно превращают в обычных людей без Дара? – уточнил я.

– Пфф! – фыркнула Мария. – Они сами же за это проголосовали и проспонсировали.

– Зачем? – присоединилась к моему недоумению и Лиза.

– Чтобы детей было безопаснее воспитывать, – пожала плечами менталистка. – А то знаете, когда один малыш в детском саду другого файерболом поджаривает, это не есть хорошо.

Мы с Лизой переглянулись. А ведь здравая идея. И почему в моем прежнем мире до такого не додумались? Сколько детей погибло, осваивая опасные Дары.

– Короче, сейчас до моего дома дойдем, там нет блокировок, – обрадовала нас Мария. – Или на энергобусе доедем?

– Нет, гулять так гулять! – сказала Лиза, и я с ней был совершенно согласен: по этому городу хотелось гулять часами.

Столица была прекрасна. Она сверкала золотом и чистотой. Ни пылинки, ни мусоринки, ни одной сломанной детали. Каждый встречный был красив или хотя бы ухожен – даже старики и прислуга. И абсолютно всё вокруг было автоматизировано – от прогрева дорожек против обледенения до подстраивающихся под твой рост перил в опасных местах.

И все же был здесь и небольшой минус – скученность.

Нет, в столице не было тесно, особенно если сравнивать с городами из моего прежнего мира. Но я уже успел привыкнуть к шестиполосным дорогам и большим пространствам промышленного Тагила. Здесь же дорог не было вообще – только пешеходные улицы. Ну и где-то вдалеке виднелся сверкающий полированным металлом монорельс.

С другой стороны, элитарность и отделка золотом превращали компактность города в некую игрушечность. Будто мы все оказались внутри стеклянного снежного шара или же кукольного домика для принцессы.

“Принцесса” тут тоже была – она тянула на прицепе всклокоченного Карла, который явно чувствовал себя не в своей тарелке и все сильнее пытался втянуть голову в черный меховой воротник плаща, но у него это не получалось.

– А вот и мой дом! – сказала Мария спустя некоторое время, указав на небольшое здание.

Особняк притулился в конце улицы – похоже, его присоединили к городу немного позднее. Впрочем, и вся улица была пристыкована с небольшим подъемом. Это дало понять, что здесь живут не те, кто основал город, а те, кто присоединился чуть позже и был вынужден пристраивать свои жилища к уже существующему архитектурному ансамблю.

“Но получилось неплохо”, – оценил я.

Дом был двухэтажный, компактный, с небольшим участком, на котором посреди зимы зеленел газон и благоухали клумбы. Сразу за домом тянулась плоская петля прогулочной велосипедной трассы, что утопала где-то в облаках, к ней от дома вела калитка. Похоже, это была забава хозяев – кататься на велосипедах по небу.

Я мысленно оценил развлечение и подумал, что многие обыденные вещи, если их перенести под небеса, сразу меняют свой смысл.

“Интересно, тут есть качели в облаках?” – мелькнуло в моей голове, и я сразу представил, как Лиза, хохоча, без страховки раскачивается так, что страшно смотреть. А внизу – несколько километров пустоты и бетонный город.

Брр... Но весьма в ее духе.

Неожиданно Мария остановилась, а затем по пространству пролетел ментальный импульс. Я сначала вздрогнул было, но затем понял, что в этом доме подобное – всего лишь аналог звонка на двери.

Я оказался прав. За витражным стеклом входной двери тут же возникло движение, двери открылись, и пожилой дворецкий, вышколенно поприветствовав гостей, пригласил всех внутрь.

Карл вновь будто споткнулся на пороге, но Лиза, врезавшись в него, возмутилась и практически впихнула парня внутрь.

Я его понимал: в Нижнем Тагиле разница между статусами не так бросалась в глаза. Здесь же, в столице, вдруг стало очевидно: мы – бастарды, а Мария – чистокровная аристократка. И наше знакомство, в свою очередь – всего лишь шаткий веревочный мостик, перекинутый через пропасть.

Дальше я эту мысль продумать не успел: компактность дома сыграла со мной злую шутку, и я оказался перед его хозяевами быстрее, чем того ожидал.

– Мам, пап, это мои друзья, – беспечно представила нас Мария спускающейся по витой лестнице супружеской чете. – Те самые, ага.

Говоря это, девушка параллельно снимала верхнюю одежду и вообще вела себя так, будто происходило что-то совершенно обычное. За что ее тут же укорили родные:

– Маш, ты бы о гостях для начала позаботилась, – строго сказала ей мать и кивнула на замершего в нерешительности Карла. Тот был неестественно бледен и не сводил взгляда с родителей Марии.

И тут женщина будто сбилась с вежливого курса. Она вдруг хищно сощурилась и стала двигаться вперед уже совсем в другой манере. Да с таким пристальным ментальным вниманием, что даже я ощутил удушье.

Однако в следующий момент меня до звона в ушах ударило другим ментальным полем – уже со стороны Марии. Я ощутил, как два поля срезонировали и начали колебаться. Кажется, две менталистки “общались”.

На некоторое время в гостиной повисла тишина. Мать и дочь смотрели друг на друга и явно разговаривали: то женщина вопросительно шевельнет бровью, то девушка сердито фыркнет и топнет ножкой.

Судя по ментальным всплескам, разговор был на повышенных тонах – возможно, даже на уровне скандала. Однако внешне обе дамы сохраняли спокойствие. Только взгляды становились все более упрямыми. И все это дико контрастировало с абсолютной тишиной, что повисла в помещении.

Это длилось бы, наверное, целую вечность, если бы не вмешался хозяин дома:

– Девочки, ну все, хватит, – сказал он, мягко положив руку супруге на плечо. – Матильда, остановись. Ты знаешь нашу дочь – ее таким не пронять.

– Это все твоё воспитание! – неожиданно резко сказала женщина, как будто все это время шедший беззвучно скандальный диалог вдруг обрел громкость.

– Да брось, хороший мальчик, – примирительным тоном сказал мужчина и принялся массировать плечи супруги. – Из древнего рода, с редким Даром. Вдумайся: как было бы здорово иметь своего лекаря. Всего-то обучить надо. Те, с которыми мы сотрудничаем сейчас, такие суммы дерут...

Упоминание финансов неожиданно охладило пыл женщины: она явно оценила новый виток возможной бизнес-стратегии. Но хватило этого ненадолго.

– Ты знал! – хищно уставилась она уже на мужа.

– Ну конечно, знал, – мужчина мягко улыбнулся, но при этом... попятился от суровой супруги. – Мы, НЕ менталисты, знаешь ли, иногда общаемся со своими детьми: в мессенджерах там, в соцсетях. Ну и звоним изредка...

В его речи всем – даже Лизе – послышался неприкрытый намек. Уловила его, разумеется, и женщина. К счастью, она предпочла все же не устраивать скандал при свидетелях и, бросив суровое “Позже поговорим”, скрылась в другом помещении.

Мы синхронно выдохнули. Взрослый мощный менталист – это то еще испытание. Особенно если с тяжелым характером. А уж каково иметь такую в супругах...

Я не сдержался и сочувственно похлопал Карла по плечу.

– Прошу прощения, – улыбнулся нам доброжелательный мужчина. – Я – Сергей Львович, отец Марии. А это была моя супруга – Матильда Альбертовна. Не принимайте ее поведение близко к сердцу: на самом деле она замечательная женщина, просто Дар накладывает отпечаток.

– Поверим вам на слово, – хмыкнула моя “сестрица”. – Я Лиза, это мой брат Кирилл. Ну, а Карла вы, похоже, уже знаете.

Она указала на совершенно подавленного парня – то ли тот осознал всю глубину проблемы, то ли Матильда Альбертовна напоследок “сказала” ему что-то веское, от чего жить расхотелось. На Нобеля было страшно смотреть, и мы все сделали вид, что не смотрим.

– Рад познакомиться со всеми вами, – сказал мужчина и по очереди пожал протянутые руки.

Вмешательство Лизы в процесс представления немного сбilo стандартную схему знакомства и встречи гостей, но с уходом суровой менталистки атмосфера в комнате резко потеплела, и все шероховатости сгладились. Слуга подошел, чтобы забрать верхнюю одежду, и помещение наполнилось бытовой суетой.

– А я думала, ты не умеешь разговаривать телепатически, – сказала Лиза подруге. – Ты же говорила, что только эмоции читаешь.

– У незнакомцев – да, – ответила Маша. – Но это же МАМА.

Последнее слово она произнесла чуть ли не с содроганием, а по телу Карла прошла судорога. Кажется, он осознал, что ему скоро тоже придется говорить “МАМА” в отношении ЭТОЙ ЖЕНЩИНЫ.

На мгновение я даже подумал, что наверное, ему все-таки не стоило сюда ехать, и ничем хорошим это не закончится. Но глянул на добродушное лицо Яковлева-старшего, и мысль ушла.

– А у тебя редкий Дар, – сказал тот Карлу. – Неудивительно, что Нобели тебя признали: целительство было их родовым умением. Я рад, что их гены сохранились. И соболезную твоей утрате. Это была хорошая семья.

Карл мрачно кивнул. О своем прошлом он никогда не распространялся и в этот раз, похоже, тоже не планировал.

Мы избавились от верхней одежды. Маша ухватила отца под руку, потерлась щекой о его плечо, как маленькая, и мужчина с улыбкой потрепал дочь по голове. Затем Яковлев-старший чуть посерьезнел и провел нас куда-то вглубь дома. Остановился он перед большими дверями, из-за которых были слышны разговоры.

– По-хорошему, вам бы с дороги отдохнуть, – сказал он. – Но у нас сегодня гости, причем гости редкие. А вы ребята молодые, вам хорошие знакомства пока полезнее, чем старческая дремота. Так что предлагаю присоединиться.

Он открыл двери, впуская нас в уютную гостиную с жарко натопленным камином, пушистым ковром и золочеными креслами. В креслах сидели незнакомые аристократы разного возраста, но в основном зрелого. Только одно лицо – молодого парня – показалось мне знакомым.

– Друзья, команда “Бастарды” прибыла, – громко объявил нас Яковлев-старший. – Правда, юный де Геннин где-то затерялся.

– У Демидовых он уже затерялся, – недовольно ответил ему кто-то из сидящих в гостиной. – Талантливая молодежь нынче нарасхват.

– Ну, тогда расхватывайте, – пошутил Сергей Львович и повернулся к нам:

– Проходите, ребята. Познакомьтесь с древнейшим семейством Строгановых.

Точно. Так вот, почему лицо того парня в углу показалось мне знакомым: это же Савелий Строганов – один из проигравших на Универсиаде.

Впрочем, мы в ней тоже не выиграли, так что можно было надеяться, Строгановы не держат на нас зла. Ведь если верить сплетням, передо мной сейчас была вторая по могуществу семья в этой стране.

Глава 5

– Сергей Львович, что вы наговорили детям? – сказал пожилой мужчина с аккуратно подстриженными бакенбардами и с едва заметным весельем глянул в нашу сторону. – Они боятся глаза оторвать от чашек с чаем.

Это было именно так. И наверное, Строганов-старший подумал, что боимся мы именно его. Но увы, все было куда прозаичнее.

– Лиза, убери эту пакость, – прошипел я на грани слышимости, пытаясь скрыть слова за помешиванием сахара в чашке.

– Не могу, она меня не слушается, – так же едва слышно ответила подруга и деланно улыбнулась людям напротив. А над их головами... летал маленький черный шарик и принюхивался, не тяпнуть ли кого-нибудь из людей под ним.

Я хотел было спросить, зачем Лиза вообще притащила с собой эту тварь, но вопрос был скорее риторический, а наше перешептывание выглядело бы оскорбительным.

К счастью, за поддержание разговора здесь отвечал Сергей Львович, и он тут же принялся отшучиваться, создавая приятную атмосферу. Но стоило ему замолчать, как слово взял Савелий Строганов:

– Давно хотел сказать: вы здорово прошли трассу, – сказал он нам. – Если бы не подстава Меньшикова, наверное, выиграли бы. Причем без помощи корпораций. Это была бы сенсация.

– Это и так была сенсация! – не сдержалась довольная Мария. – И мы все еще в первой десятке рейтинговых таблиц: видимо, всех так поразила битва с Искаженным медведем.

– Но в следующий раз, Маш, пожалуйста, беги, – тут же посуровел Сергей Львович. – Неопытному менталисту не место в бою. Мы готовили тебя совсем не к этому.

– Да, вы готовили меня к роли фрейлины Великой княгини, – сказала Мария, поворачиваясь к отцу. – А сами не удосужились даже познакомиться. Пап, я не узнала ее на ассамблее! Было так неловко...

Менталистка надула свои прелестные губки.

– Моя ошибка, – серьезно признал ее отец. – Ты как-то слишком незаметно выросла, я не успел ввести тебя в свет. Но это еще не поздно исправить.

Он поднялся из кресла, встал между нами и Строгановыми и с некой долей торжественности сказал:

– Не будем ходить вокруг да около. Предлагаю немного раскрыть карты. Моя жена уже проверила молодежь и не нашла в них дурных помыслов... ну, кроме дурного поведения.

Он сделал паузу, ни на кого не глядя, но сразу три человека рядом со мной почувствовали себя неуютно и отвели глаза. Старшие Строгановы отреагировали на это понимающими смешками.

Я же слегка напрягся. То есть, скандал был для отвлечения внимания, и под его прикрытием мощная и опытная менталистка провела сканирование? Ну, спасибо! Терпеть не могу, когда копаются в моих мозгах, пусть даже из лучших побуждений. В этом мире культуре ментальной вежливости не обучают, что ли?

Яковлев-старший тем временем повернулся к нам и стал пояснять:

– Вы гости нашего дома, Машины друзья, – сказал он. – Но вместе с тем вы талантливая молодежь. А в нашем государстве, увы, таких быстро вербуют и привлекают к делу. Да так, что потом не вырваться.

– Ну, не стоит утрировать, – вмешался Строганов-старший. – Вырваться-то можно. Просто для этого требуется большой опыт в политических делах и поддержка извне.

– ... и ни того, ни другого у молодежи обычно не бывает, – возразил Яковлев. – Тем более, у бастардов.

Он сочувственно кивнул в нашу сторону.

– И поэтому вы хотите заранее завербовать нас к себе? – прямо спросил я, сразу поняв, к чему все идет.

– Нет, всего лишь предупредить и показать, что в мире есть не только сила Демидовых, – сказал Сергей Львович. – Да, они везде. Да, с ними невозможно бороться – напрямую. Но противостоять им и отстаивать свою свободу можно и нужно.

– А что, нас будут вербовать? – спросила Лиза. – В куда? В смысле, в кого?

– Все зависит от таланта, – развел руками Сергей Львович. – Демидовы, будто грибница, пронизывают все наше общество. Везде можно увидеть нити, ведущие к ним. Если где-то появляется молодое дарование, его тут же делают частью этой сети: иногда с какой-то целью, иногда – про запас, иногда – чтобы не достался оппозиции.

– А оппозиция – это вы? – уточнил я, оглядывая собравшихся куда более внимательно.

– Мы в том числе, – кивнул Яковлев. – На самом деле нас гораздо больше. Просто здесь собрались те, кто выступает открыто.

Мы с Лизой переглянулись. Зайти в гости к подруге и сходу вляпаться в политические игры? Это было неожиданно. И слишком сильно, чтобы быть случайностью.

– Зачем мы вам? – нахмурился я.

– Не знаю, – развел руками Яковлев-старший. – Кристина Михална попросила присмотреть. Вы привлекли слишком много внимания.

– А Кристина Михална... – начал я.

– ... негласный лидер оппозиции, – кивнул Яковлев и тут же добавил: – Но сразу оговорюсь: положение у нее сложное, реальных сил нет. В случае беды не надейтесь на нее как на спасительницу.

– Скорее даже наоборот: если будете к ней слишком близко, вас “уберут”, – прямо предупредил Строганов-старший.

– Именно, – кивнул Сергей Львович. – Вся императорская ветка под полным контролем Демидовых. Взаимодействовать с Кристиной Михалной могут только действительно сильные фигуры вроде фельдмаршала Столыпина или же господина Строганова.

Он кивнул в сторону своего гостя и закончил:

– Остальным лучше держаться подальше.

– Тогда зачем она прислала нам приглашения? – не понял я.

– Потому что если б не прислала, это выглядело бы странно, – пояснил Строганов-старший. – Кристина Михална объявила себя спонсором вашей команды. Демидовы ждут, что она будет вас поддерживать, и потому она ведет себя в соответствии с их ожиданиями.

– При этом настоящей поддержки от нее не будет, – снова повторил Яковлев. – Чтобы ваш “вес” не был таким уж большим и Демидовы не взяли вас в оборот, как они поступают с любым, кто пытается помочь Великой княгине.

Мы переглянулись, и по глазам друзей я понял: не только мне все это кажется слишком сложным и бессмысленным.

– А можно по-русски? – попросила Лиза. – Я тупенькая блондинка, мне надо все разжевывать. Чего вы от нас хотите?

– Да ничего, в том-то и дело, – улыбнулся Сергей Львович. – Просто осветили положение дел в столице. Чтобы вы никуда не совались, ни с кем чужим не разговаривали, а в случае проблем обращались к тем, кто действительно может помочь.

Он обвел рукой присутствующих. Первым голос подал Савелий Строганов:

– Я составлю вам компанию на балах, – сказал он. – Видите меня – подходите ближе: рядом со мной всегда только проверенные лица.

– Я дам вам свой номер – на случай, если вас будут пытаться вербовать, – сказал Строганов-старший. – А мои братья при необходимости оперативно и безопасно вывезут вас из столицы.

Он кивнул на сидящих рядом с ним мужчин, которые и впрямь были на него похожи, разве только лет на пять моложе.

– У меня вы будете жить, – подхватил Яковлев-старший. – Матильда Альбертовна бывает сурова, но поверьте: этот дом – островок безопасности в столице. Ментальной безопасности в том числе.

– А фельдмаршал Столыпин, я так понимаю, не просто так “взял под контроль” вопрос моего наказания по поводу дуэли? – уточнил я, уже начиная понимать, что за нами давно наблюдают.

– Разумеется, – кивнул Сергей Львович. – Он затянул, как мог, разбирательство, привлек нужных людей. Сейчас решается вопрос с альтернативными вариантами наказания. Если бы не он, Меншиковы бы уже упекли вас за решетку, молодой человек, причем по максимальному сроку.

Я помрачнел.

– Не переживай, парень, – тут же подбодрил меня Яковлев-старший, перейдя на “отцовский” тон. – Столыпин это сила. Если взял под крыло, то ты под надежной защитой. Правда, он и отдачи будет ждать соответствующей.

– Мне придется работать на Столыпина? – уточнил я.

– Не на него, – вмешался Строганов. – На государство.

– Столыпин идеалист и железобетонный патриот, – пояснил Яковлев. – Для него есть только одно служение – отечеству. Ну и Романовым, но лишь до тех пор, пока Романовы есть отечество.

– Кристину Михалну он поддерживает именно потому, что она радеет за судьбу народа, – добавил Строганов. – В остальном Столыпина сложно назвать “нашим”: он оппозиционер лишь по отношению к Демидовым.

Я почувствовал, как у меня начинает закипать мозг. Можно я лучше буду, как и раньше, заниматься артефактами? Почему никто не хочет завербовать меня как артефактора? Я с радостью пойду! Готов лет десять заниматься артефакторикой и только ею.

– Дядь Федь, мне кажется, пора заканчивать политическое просвещение, – улыбнулся Савелий. – Ребята выглядят так, будто информация в их головы уже не лезет. И к тому же... ай!

Он вскрикнул и хлопнул себя ладонью по шее, но черный паразит уже отлетел. Однако на крик Савелия обернулись старшие. Увидев непонятное нечто, что как раз снова летало над их головами, они повскакивали с мест и явно приготовились атаковать – кто способностями, кто артефактами, а кто и стрелять из пистолета.

– Не надо, это мой! – вскрикнула Лиза. – Я его сейчас поймаю, не трогайте!

Она вскочила и побежала ловить юркую тварь. Однако из ее волос от слишком быстрого движения тут же выпало еще двое. А потом из-под юбки выскользнул еще один. И еще один...

– Лиза!! – хором возмутились мы, поняв, что она протащила с собой в столицу чуть ли не все псевдокошачье семейство.

– Ну что? Им в поместье кушать было нечего, – попыталась оправдаться подруга. – А тут кругом аристократы, энергии много. Им надо-то – кроху всего. Я их сейчас покормлю, они просто проголодались...

Я прикрыл лицо ладонью. Если Лизу и стоит вербовать, то только как непредсказуемого диверсанта для унижения врага и порчи вражеского имущества.

Бонус

Пожилой дворецкий замер у больших напольных часов, что показывали десять вечера. Достав заводной ключ, он вставил его в отверстие и привычным движением повернул. Механизм издал приятный щелкающий звук – механические часы были хорошо отлажены.

В следующее мгновение мужчина чуть пошатнулся и был вынужден схватиться за стену. Судя по его виду, у него закружилась голова. К счастью, приступ быстро прошел, и мужчина выпрямился.

– Надо бы к неврологу сходить, – пробормотал он. – А может, просто не выспался. Пойду прилягу.

И он ушел, не зная, что после этого воздействия стал чуточку здоровее: в его сосудах чудесным образом только что рассосалось несколько атеросклеротических бляшек. А сильное головокружение стало платой за это.

Стоило ему уйти, как из двери санузла выскользнул мрачный темноволосый юноша. Он был хмур и явно нервничал. Еще бы: в его силах было “отключить” всех и каждого в этом доме, чтобы сделать свой побег легким, но он опасался это делать. Слишком уж могучие личности были здесь.

Однако сейчас путь на свободу был наконец чист, и молодой человек устремился к выходу.

– Уже уходите, господин Нобель? – холодно раздалось со спины.

Карл Нобель вздрогнул и повернулся. Его темные глаза нездорово блеснули, а тени под ними вдруг стали как будто глубже из-за резко проявившейся бледности.

– Я... э... искал санузел... – пробормотал он, прекрасно понимая, что врать менталистам подобного уровня бесполезно.

И точно. Женщина тут же сощурилась и одарила его таким ледяным взглядом, что помещение будто покрылось инеем.

Неожиданно подоспела помощь:

– Мам? – с нажимом раздалось из другого конца коридора, и парня снова качнуло сильнейшим ментальным импульсом: может быть, Мария и не имела столько опыта, как ее мать, но юношеский максимализм порой вполне может противопоставить опыту мощь.

Лекарь оказался в зоне наложения двух ментальных полей и был вынужден срочно заняться собственным здоровьем. Две менталистки не просто ссорились друг с другом, они сейчас делили право воздействовать на ЕГО мозги, искренне считая их местом, где они имеют право распоряжаться. А Карл не просто не привык к такому, он был категорически против!

– Не буду мешать... – сказал было он и попытался уйти хотя бы обратно в гостиную, но не тут-то было.

– СТОЯТЬ! – хором сказали менталистки, и молодой лекарь ощутил, как его нервная система будто получила удар под дых.

На нескольких следующих мгновениях все мысли вышибло из его головы: сквозь нее проносился очередной ментальный скандал. Парень стоял в пересечении полей менталистов и, хуже того, был главной причиной ссоры, а потому его мозг то и дело ловил резонанс.

Будь он менталистом, хотя бы неопытным, он, наверное, смог бы смутно уловить суть разговора. Но он был лекарем, а потому чувствовал только энергетические удары. Сражайся он с этими двумя в битве, его бы уже поджарило изнутри. Но Матильда Альбертовна как профессионал своего дела держала себя в руках, а Мария пыталась защитить его.

О чем “говорили” две менталистки, Карл не мог узнать, но догадывался. Ведь если Матильда Альбертовна прочла хоть часть его мыслей, поводы для скандала были весомые. А если прочла все...

Карл подумал было, не погрузить ли самого себя в кому на веки вечные, но битва неожиданно закончилась.

– Еще поговорим об этом, – сказала Матильда Альбертовна и скрылась в другой комнате. Вместе с ней исчезло и ментальное давление.

Карл непроизвольно выдохнул и схватился за стену, как недавно старик – на него накатилась слабость, все было как в тумане. Трясущейся рукой он стер холодный пот со лба.

– Пойдем, – улыбнулась ему Мария, взяла под локоть и потянула на лестницу.

И он пошел, будто ему приставили пистолет к затылку. А как тут не пойдешь? Менталисты страшнее огнестрела.

Они поднялись на другой этаж и оказались в какой-то комнате. Щелкнул замок, и Карл вздрогнул, окончательно приходя в себя.

Он огляделся. Свет фонарей, падающий из окна, смутно освещал предметы. Можно было различить туалетный столик с россыпью флаконов, стильный, но женственный дизайн помещения, кровать под полупрозрачным балдахином и мохнатый ковер, больше похожий на плюшевую игрушку. Комната принцессы.

– Тебе лучше спать у меня, – смущенно прокомментировала это Мария. – Мама не в духе, так что здесь будет безопаснее.

– Может, я лучше просто уйду? – с легким нажимом поинтересовался Карл.

– Извини, – тут же потупила взгляд менталистка. – Такие вот у меня родители. Но это семья, понимаешь?

Он не ответил. У него семьи больше не было.

– Прости, – еще более глухо покачалась Мария, услышав его мысли. – Лягнула, не подумав.

– Мне здесь не место, – сказал Карл, оглядев помещение.

Казалось, он имеет в виду девчачий, приторно-кукольный интерьер, явно сохранившийся с тех времен, когда в этой комнате росла маленькая принцесса. Но парень имел в виду совсем другое.

– Мне-то не говори этих глупостей, – сказала менталистка. – Я же знаю, о чем ты на самом деле думаешь.

Карл не ответил. Точнее ответил, но не вслух.

– Не могу не лезть, – окончательно сконфузилась Мария под его укоризненным взглядом. – Оно само как-то получается.

Карл глянул за окно, где виднелись огни ночного города и маячил на горизонте очередной дирижабль.

– А смысл? – ответила ему на это Мария. – Тебе некуда возвращаться. И вообще, тебе со мной так плохо, что ли?

Она подняла на него виноватые глаза, но Карл снова не ответил, только одарил ее долгим взглядом.

– Ну, объективно, так же лучше? – не совсем уверенно сказала девушка. – Ты бы никогда не пошел таким путем, знаю. Но тут связи, поддержка... Отец тебе лицензию поможет оформить, найдет учителей... и...

Она окончательно смолкла под тяжелым взглядом юноши. Точнее, под потоком мыслей, которые он никак не мог скрыть от менталистки, а неопытная менталистка – никак не могла НЕ прочесть.

Мысли были так себе. Не бегают радужные пони в душе того, кто несколько лет жил только на силе ненависти. И ему действительно нечего было делать в кукольном царстве принцессы и любимицы общества, снимающей видосики про уток в пенной ванне.

В смущенном молчании менталистка присела на кровать – слова у нее закончились. Юноша опустился рядом. Оба уставились в окно, где давно стемнело. Впрочем, свет в комнате

тоже никто не включал, так что их окружала темнота. В ментальном фоне продолжал звучать безостановочный поток мысли. Девушка продолжала ему внимать.

Так прошло минут пять. За окном погасли огни далекого парка аттракционов, но фонтан в конце улицы еще продолжал сиять радужной подсветкой – будто беззвучный фейерверк в ночи. Вечный праздник золотой столицы, царство аристократии, куда не пускают посторонних.

Девушка пододвинулась, прошуршав шелком, и прижалась щекой к плечу юноши. Тот вздохнул, склонился и тихо поцеловал ее в макушку.

– Мы с тобой идеальная пара, – сказала Мария, обняв его покрепче. – Ты молчишь, а я все равно слышу... И нет, ты не похож на черного паука в кукольном домике.

– ...

– И на ворона в золотой клетке – тоже, – ответила на это менталистка.

– ...

– И папа ничего не скажет.

– ...

– Да, даже утром.

– ...

– Да, даже если кровать сломается.

– ...

– У-у, а вот об этом лучше потише думай – мама неподалеку, – неожиданно смутилась Мария.

Некоторое время оба молчали. Если, конечно, отсутствие слов в беседе с менталисткой можно было назвать молчанием.

– Карл, до меня только дошло, – неожиданно сказала вдруг Мария. – Дошло, что я тебя СЛЫШУ. Вообще все слышу. Я на тебя настроилась!

– А я на тебя, – наконец сказал хоть что-то вслух парень.

От продолжительного молчания голос его прозвучал с хрипотцой. И от этой хрипотцы девушка вздрогнула – по ее телу явно пробежали мурашки.

– Эй! – возмутилась она, поняв, что мурашки несколько сильнее, чем должны быть. – Управлять моим телом нечестно!

– ...

– Месть? Какая еще... ой...

Девушка вдруг ослабела и повалилась назад, но парень ловко поймал ее и осторожно уложил на россыпь подушек. В слабом свете фонарей было видно, как на его лице появился намек на улыбку.

– Так нечестно... – пробормотала Мария, пока он неторопливо развязывал шнуровку на ее корсете. – Можно мне хотя бы в душ?

Но увы, ответ последовал совсем не тот. Ведь лекари еще страшнее менталистов и умеют пытаться так, что единственное слово, которое жертва будет повторять снова и снова, будет слово “Ещё”...

Глава 6

Лиза

– Подстава, – бухтела я, пока мы катились в стеклянной кабинке монорельса, сидя в уютных креслах, но в неудобной одежде. – Я думала, это будет бал!

– Да с чего ты так решила? – недоумевала Маша. – Это потому что Константин тебе к мероприятию бальное платье прислал?

– Ну и поэтому тоже, – чуть смутилась я. – Но прежде всего потому, что в приглашении было написано “Бальный сезон”.

– Да это просто так называется, – отмахнулась Маша. – Приглашение на бальный сезон – это как бы абонемент на все открытые зимние мероприятия столицы. Но ты же не думаешь, что вся светская жизнь состоит из одних только балов? Это же скучно!

– Да, но показ мод... – я выразительно развела руками.

– А что такого? – не поняла Маша. – Посмотрим на новые модные веяния – для высшего света и для городских жителей. Я стримчик запилю, ты над моделями похихикаешь.

– Я не фанат моды, – честно сказала я. – И если б знала, что мы едем на такое мероприятие, не запаривалась бы с платьем и прической.

– Ой, да ладно тебе! – отмахнулась Маша. – Все равно марафет тебе наводила моя камеристка. Ну и вообще, я видела, что на снегу после тебя остается след от кроссовок. Так что не жалуйся мне тут на неудобства.

– Извини, но есть большая разница между бальным платьем и повседневным костюмом, – буркнула я, пытаясь почесать грудь под корсетом. – Ау!

Последний звук вырвался из меня непроизвольно, когда сразу с двух сторон мне прилегло по руке: от Машки – сложенным веером, а от Кирилла – стопочкой наших приглашений из весьма плотного картона.

– Садисты, – обиделась я.

– Деревенщина, – отбрил меня Кирилл. – Веди себя прилично.

– Да кто меня тут видит? – возмутилась я. – Мне волос под корсет попал, щекотится. Знаешь, как бесит?

– Тебя видим как минимум мы с Карлом, – возразил Кир. – А еще – весь город.

Он показал на панорамное окно вагончика, что плавно катился над крышами зданий.

– Да никто не смотрит, – отмахнулась я. – Я просто волос вытащу и все.

Я снова потянулась к декольте, но Кирилл схватил меня за запястье.

– Потерпишь до места, – друг был непреклонен. – В дамской комнате вытащишь.

– В дамской комнате, – передразнила я. – Интересно, почему есть дамская комната, но нет джентльменской?

Ответить на этот вопрос никто не успел: не так уж велика была летающая столица, чтобы хватало времени на долгие разговоры в местном аналоге автобуса. Кабинка начала тормозить, и я увидела, что мы подъезжаем к роскошному дворцу. Точнее – к красной ковровой дорожке и небольшой толпе журналистов с фотокамерами.

– Э... что, вот так сразу, из автобуса на красную дорожку? – слегка обалдела я.

– Лиза, не тормози! – нервно окликнула меня Маша. – За нами уже следующая кабинка подъезжает.

Я оглянулась и действительно увидела, как, блестя стеклами, приближается следующий “автобус”. Они тут были не рейсовые, а как бы личные: заходишь своей компанией в пустой вагончик, проводишь картой – и кабинка опускается на монорельс и едет по нему. Что-то среднее между беспилотным такси и метро, только не под городом и не по городу, а над ним.

Поразмышлять над этим мне тоже не удалось – Кирилл настойчиво подталкивал меня к выходу, где уже раздавались первые щелчки камер.

– Да иду я, иду. Видишь ведь, платье мешает, – проворчала я, подхватывая слишком пышный подол.

На самом деле ворчать не стоило: Константин прислал на редкость красивый наряд. Наверное, именно поэтому сегодня я решила не отказываться и все-таки надеть его. Ну и как-то некрасиво было раз за разом игнорировать его подарки. Просто мысль о том, что его глазами на меня все еще смотрит Герман...

Да ну нафиг, не хочу об этом думать! Я блондинка, у меня должен быть ветер в голове.

“И под юбкой, хехе”, – мысленно ухмыльнулась я и показала ближайшей камере язык.

– Лиза! – громким шепотом раздалось с обеих сторон.

Вот им не пофиг, а? Ну, веду я себя как бунтарка и что? Я бастард, девочка с периферии. Зачем вообще пытаться что-то из себя строить? Все равно ж не получится, смех один.

“Им надо, пусть они и строятся, – ворчливо подумала я. – А мне, пожалуй, нужен пирсинг в язык – для полного комплекта. И татуировка на попе “Сделано в СССР”. Пусть поклонники гадают, что это значит”.

– Маш, а аристократы с ирокезом бывают? – спросила я, осененная новой идеей.

– Иди уже, – на мгновение закатила глаза подруга, но быстро взяла себя в руки.

Мы спокойно прошли мимо кучки фотожурналистов – благо, те не испытывали к нам особого интереса и, похоже, просто фотографировали всех подряд – и зашли в здание. Там нас встретили, забрали верхнюю одежду и проводили в большой зал.

Народу было много – весь столичный бомонд собрался. Черно-золотая масса с белыми вставками копошилась, будто мураши на муравейнике: кто-то беседовал, кто-то лениво потягивал напитки, а большинство уже сидело на креслах вокруг подиума в ожидании представления. Звучала динамичная, вполне современная музыка, и костюмы “под старину” смотрелись странно.

Неожиданно я увидела Кристину Михалну и хотела было приветственно махнуть ей рукой, но вовремя вспомнила, что нам отсоветовали продолжать общение с ней. Так что я лишь слегка кивнула, поймав ее взгляд, и удостоилась намек на кивок и улыбку в ответ.

Еще некоторое время мы приветствовали разных знакомых – в основном Машиных друзей и родственников. Несколько раз встретились смутно знакомые по академии лица. Нашелся и кивнул издали Савелий Строганов. А еще тут был... Мишка Меньшиков.

– Э, он челку снова отрастил! – возмутилась я. – Нечестно. Вообще следов не осталось. Ни одного розового пятна на морде!

– Не переживай: пятно с его репутации еще долго не смоется, – успокоила меня Маша.

На этом болтовню пришлось прекратить: музыка вдруг стала громкой и торжественной, свет в зале погас, а на подиуме, наоборот, вспыхнул. Из-за кулис под гром аплодисментов вышел странный тип с накачанными губами и в золотом обтягивающем костюме. Он был накрашен, чрезмерно худ и сходу принялся приторно заигрывать с толпой, рассылая воздушные поцелуи и сверкая золотыми перстнями.

– Эу, – не преминула я выразить свою гадливость. – Это что за арлекин?

– Ты так же выглядишь, когда дурачишься, – тут же уколол меня Кирилл.

– Чё это? – возмутилась я. – У меня хотя бы лицо свое, а ля натюрель. И фигура симпатичная. И вообще я лапочка.

– Молодые люди, можно потише? – сурово раздалось сзади.

Я обернулась и увидела возмущенную тетку лет пятидесяти – размалеванную жертву плохого косметолога. Судя по ненавидящему взгляду, тетка была яркой поклонницей этой макаки на сцене.

Ну и ладно. Хоспаде, смотри на здоровье, мне-то что? Моя бы воля, я б на передние кресла не села. Но увы, места распределялись согласно приглашениям, а приглашения у нас были от императорского рода.

Впрочем, когда кривляющийся тип закончил с приветственной речью и свалил со сцены, я перестала жалеть о том, что нас усадили к самому подиуму. Машка была права: это оказалось интересно.

Вы когда-нибудь видели моделей вблизи? А снизу вверх?

О, эти причудливые изломы! О, эти нелепые суставы на слишком худых телах и тонна косметики, прикрывающая больную от вечного недоедания кожу! Тюп-тюп-тюп – цокают каблучки под живыми вешалками. А на вешалках...

А на вешалках дичь. Из прабабкиного комода. Ну реально – ничегошеньки нового! Но все с таким паааафосом на моськах. Смешно.

Да ладно, не настолько я злая и все понимаю. Работа у них тяжелая, жизнь не сахар, модельер – макака безмозглая. Но надо делать вид, что все это модно и круто, потому что на тебя смотрит весь цвет столицы, потому что на мероприятие угрохана уйма денег и надо держаться, будто мода еще не сдохла и продолжает издавать последние пiski.

– Господи, за что? – простонала я, когда за моделями-женщинами пошли модели-мужчины.

Нет, сами мужчины были ничего. Наверное. Если откормить хотя бы на десять килограммов. Но вот одежда... Что это за чулки старой бабки вместо носков? Что за имитация юбки? А женская сумочка к чему? Оу, ну, лучше женская сумочка, чем прозрачные лосины поверх мужских стрингов.

“Нет, кажется, я все-таки консервативных взглядов. Можно мне что-то не настолько экстравагантное?” – подумала я.

На удивление, вселенная меня услышала, потому что модельер-макака закончил с эстетическими издевательствами и вышел на поклон. Собрав море оваций и даже пару букетов, он увел цепочку своих моделей за кулисы, и на этом парад уродцев закончился – дальше пошли более привычные вещи.

Судя по всему, это был показ не одного дома мод, а сразу нескольких, и дальше на сцену стали выходить другие кутюрье с другими коллекциями. Мне даже понравилась серия костюмчиков для бизнес-леди – ничего сногшибательного, но весьма элегантно и со вкусом.

– Маш, а это дорого? – поинтересовалась я, когда кутюрье ушел.

– Чем дальше, тем дороже, – отмахнулась подруга. – Не отвлекай, сейчас самые лучшие будут – всегда под конец остаются.

И правда, стоило ей это сказать, как одна за другой пошли коллекции для аристократии. Шик, золото, сложные вышивки и вычурные формы. Перья, резной металл, хрустальные подвесы, светодиоды и даже живая шиншилла в маленькой клетке – все шло в ход только затем, чтобы удивить искушенных зрителей.

Я была неискушенной, поэтому сидела с открытым ртом. Особенно когда пошли мужские модели – нормальные статные юноши в пусть и экстравагантных, но элегантных костюмчиках и шелковых полумасках.

– Маш, если захочешь однажды поздравить меня с днем рождения, знай: я хочу этих мальчиков! – сказала я, искренне восхищаясь выбором моделей. Ну и немного – одежды.

Ответом мне был один вздох и один звук фэйспалма, но я даже не стала отвлекаться, чтоб не пропустить ни секунды прекрасного зрелища.

Последний костюм был молочного цвета. Он привлек мое внимание не оригинальностью и даже не качеством ткани, а тем, что идеально сидел на идеальной фигуре. Парень-модель шел по подиуму стремительно и легко, будто летел.

Так как я сидела довольно низко, то всех моделей непроизвольно рассматривала, начиная с туфель. Но на этот раз так засмотрелась, что когда парень дошел до конца подиума, скинул пиджак и на мгновение замер, красуясь перед камерами, я еще только попку разглядывала...

“Ну в смысле брючки, – мысленно поправила я. – Очень красивые брючки”.

А когда он пошел обратно, мой взгляд застрял на талии. Мужские талии – это безумно красиво. Особенно когда парень вот так небрежно перекинул пиджак через плечо. И вот таким элегантным жестом неизвестно откуда вынимает ветку нежной белой эустомы и протягивает мне под взволнованные ахи толпы.

Что?

Я моргнула пару раз, взяла цветок и подняла взгляд, уже догадываясь, кто под маской. Трудно было не догадаться, учитывая, что он и не скрывался.

“Вот только он – это кто? Герман? Константин? – мелькнула у меня неприятная мысль. – Поступок абсолютно германовский. Но ведь это не он, правда? Не хочу, чтобы это был он”.

Пока я сидела, ошеломленная неожиданностью встречи, де Геннин послал мне воздушный поцелуй, изящно поднялся и удалился под вспышками фотокамер охочих до сплетен фото-репортеров. Камеры тут же переключились на меня. Но я была слишком сильно выбита из колеи и даже не обратила на это внимания – все еще смотрела ему вслед.

М-да, с этим надо что-то делать. Хотя бы перестать его избегать, чтобы он не искал такие вот странные способы общения со мной.

Я пристроила цветок в волосах, чтоб не мешал, и забыла об этом. Постаралась забыть, по крайней мере.

Глава 7

Константин

Пожалуй, в том, чтобы продолжать играть роль Германа, были некие плюсы – никто не удивился эпатажному поступку юного аристократа. Напротив – модельер был даже рад использовать “звезду” де Геннина и буквально за вечер подогнал под мою фигуру один из костюмов. Даже разрешил забрать его себе при условии, что фотограф сделает серию кадров для журнала.

Я не видел, как отреагировала на мой поступок Лиза – пришлось сразу уйти. И даже после показа я не смог к ним присоединиться. У меня теперь были иные задачи.

– О, добрый день, господин Брусницын! Рады вас видеть, Анатолий Борисович! – на разные лады, но всегда радушно говорил Сан-Дonato, кивая окружающим, а я держался рядом.

После показа все гости вышли из душного зала в сад-оранжерею под куполом. Там был подготовлен фуршет, игральные и танцевальные площадки, и сейчас настало время для общения и установления полезных связей. Но я все же то и дело осматривался, пытаюсь увидеть, в какую часть сада ушла Лиза и что она делает, ведь за ней следовало присматривать.

Что она могла натворить? Да что угодно. Нахамить кому-нибудь – раз плюнуть. Нарушить нормы этикета – обязательно. Влезть, куда не следует – скорее всего. Привлечь внимание ненужных людей – ну как же Лиза без этого?

Еще ни один ее выход хоть куда-нибудь не обошелся без происшествий. И ладно Нижний Тагил – там, собственно, некому переходить дорогу. Но столица... Лиза ведь запросто могла отвесить пощечину тайно посетившему мероприятию императору или оторвать подол его супруге.

“А может, и кому похуже”, – подумал я, оглядывая аристократов и оценивая их статусность.

После показа все как-то поделились – молодежь пошла в одну сторону, старшее поколение – в другую. А затем оба потока еще и принялись кучковаться по политическим взглядам. На этой площадке, например, собрались Демидовы и лояльные им крупные деятели.

– Мой протеже, Герман де Геннин, – периодически представлял меня Сан-Дonato то одному, то другому и добавлял: – Очень талантливый и перспективный молодой человек.

Такая характеристика от одного из Демидовых вызывала ко мне интерес, но не слишком большой – ровно настолько, чтобы я мог продемонстрировать себя, перекинувшись парой фраз.

Будь на моем месте Герман, он бы уже вился ужом, стараясь рассказать о себе как можно больше. Я же предпочитал отмалчиваться. Во-первых, меня вполне устроила бы возня с Тагильским заводом, которую настоящий Герман терпеть не мог, а во-вторых, моя незаинтересованность подкупала окружающих даже больше, чем лучшая самореклама.

– Ну что, познакомить тебя с ИСТИННЫМИ правителями Сибирской Империи? – негромко спросил меня Сан-Дonato, когда рядом никого не было.

Я в этот момент смотрел в сторону “танцующего” фонтана в центре сада, ведь туда потихоньку стягивалась вся молодежь. Но параллельно все же слушал, о чем говорит мой собеседник.

– Да, разумеется, – ответил я ему.

Сан-Дonato удовлетворенно кивнул и, сделав мне знак следовать, посеменил в сторону небольшого павильона, где вокруг бильярдных столов собралась группа мужчин в возрасте.

Стоило нам зайти в павильон, как слуга закрыл вход обшитой бархатом цепью, и все строение вдруг принялось плавно подниматься. Причем собравшиеся на это никак не отреагировали – только некоторые присели в кресла на всякий случай.

– Это чтобы посторонние не грели ушки, – пояснил Сан-Донато в ответ на мое удивление и заговорщически подмигнул мне.

Я огляделся. У павильона не было стен как таковых. С одной стороны виднелось подобие морской раковины: ее жемчужная поверхность заменяла стену и часть потолка. Под ее сенью играла на арфе милая девушка, а ей подыгрывал флейтист.

Другие стены заменяло ограждение из стекла с защитной артефактной гравировкой. За ограждением было прекрасно видно весь сад и другие павильоны. Мы как будто оказались на большом балконе и наблюдали за всеми остальными сверху.

Я глянул вниз и наконец увидел ребят. Они стояли вокруг фонтана и смотрели водяное шоу. Из бассейна то вздымались, то опадали подсвеченные струи, а в воде танцевали люди в чешуйчатых костюмах с плавниками – кажется, изображали русалок.

Судя по тому, как Лиза, да и многие другие, покачивались в такт движениям, внизу играла ритмичная музыка, но ее почему-то было не слышно, хотя расстояние было совсем небольшое. Не слышал я и шума воды, а также смеха молодых людей – только арфу и бубнеж властных стариков у меня за спиной.

– Полог тишины? – уточнил я у Сан-Донато, сообразив, что тут явно заработал артефакт.

– Здесь обсуждаются слишком важные дела, чтобы их подробности становились достоянием общественности, – ухмыльнулся князь.

Я кивнул, хотя представление о важности у нас разнилось.

Например, в данный момент я предпочел бы не общаться с серыми кардиналами, а помочь Кириллу: парень за пояс пытался оттащить “сестрицу” от одного из танцоров, который в шутку манил ее к себе, в бассейн, а она, хохоча, тянула к нему руки и изо всех сил рвалась в воду. И зная Лизу, я подозревал, что Кириллу сейчас приходится прилагать много усилий.

К счастью, ему на помощь пришла Мария, и вместе они оттащили подругу от сверкающих влагой мускулистых тел танцоров: кажется, сманили ее едой. По крайней мере, двинулись прямо к фуршетным столам. Лиза только отправила танцорам воздушный поцелуй на прощание.

Я с легким сожалением отошел от перил и снова присоединился к князю, который завел с кем-то разговор.

Политика меня интересовала лишь постольку-поскольку. В продвижении я не нуждался и пришел сюда только затем, чтобы быть в курсе реального положения дел в стране. А потому выбрал самую простую стратегию поведения: превратился в тень Сан-Донато. Только подавал ему бокалы время от времени.

Это оказалось хорошим решением, ведь вскоре мужчина попросту забыл обо мне и перестал обращать внимание, как не обращают внимание на официантов и прочих служащих. Мы говорили то с одной группой важных стариков, то с другой. Но заинтересовала меня лишь одна компания – та, которую возглавлял некий Дмитрий Олегович.

Его имя я уже слышал от князя Сан-Донато еще в первой нашей беседе. А из знаний Германа выудил и его должность в правительстве – канцлер Сибирской Империи. Потому я не удивился, что разговаривать в его присутствии осмеливался только князь да еще пара важных мужчин. Остальные, как и я, предпочитали почтительно молчать и слушать.

– ... по-хорошему, надо менять Конституцию, – сказал Сан-Донато, нацеливая кий на неудобный шар. – Некоторые пункты устарели со времен провозглашения конституционной монархии.

Раздался звук удара. Шар покатился по шершавой поверхности стола, ударился в еще один, и оба устремились к лункам. Но силы удара оказалось недостаточно – ход перешел к другому игроку.

– Зачем? – возразил генерал Волконский, осматривая положение шаров. – Это вызовет волнения и протесты.

Он принялся нацеливать удар. Окружающие старательно одобряли генеральскую игру. Я же краем глаза следил за реакцией канцлера: чью сторону в беседе он принимает?

– Новые законы ей противоречат, – пояснил Сан-Дonato.

– Какие, например? – уточнил Волконский, не отвлекаясь от игры.

– Ну вот, к примеру запрет говорить об *****, ***** и ***** противоречит свободе слова, – пояснил Сан-Дonato, беря у меня свой бокал. – Не выпустить ли нам новую редакцию Конституции?

– Да, если что, скажем, что в типографии ошиблись, – тут же угодливо поддержал его третий мужчина, что был чуть моложе. – Народ все равно законов не знает.

– Что вы несете, Арсений! – поморщился Волконский и даже поднял взгляд от шаров.

Я заметил, как едва заметно морщится канцлер, и внутренне согласился с ним: высказывание и впрямь было нелепым, почти детским, и подобного тупицу из общества такого уровня следовало бы удалить. Но кажется, это был его близкий родственник, возможно, даже сын, и мужчине оставалось только мириться с его присутствием.

Зато Сан-Дonato спокойно мог поставить выскочку на место:

– Народ, может, и не знает, а вот блогеры и журналисты – люди весьма дотошные и умеют поднимать волну, – пояснил князь.

– Да скрутить этим блогерам охваты, и дело с концом! – возразил обиженный Арсений.

– Что мы, зря Сибкомнадзор кормим? Пусть блокируют.

Тут канцлер уже не выдержал.

– Не стоит злоупотреблять работой такого ценного аппарата, – нахмурился Дмитрий Олегович. – Он и так уже стал притчей во языцех. Нельзя давать столько власти одному органу – не ровен час, он против нас же и обернется.

Все согласно закивали, а молодой, наконец поняв, что сказал глупость, сконфуженно отодвинулся от стола. К счастью, джентльмены культурно сделали вид, что не заметили этого.

– Да, управление потоками информации – есть высшая форма власти в наше время, – подтвердил Волконский. – С такими вещами нельзя шутить.

– Поэтому мы должны оставаться в рамках законов, – сказал Сан-Дonato. – И просто поменять Конституцию.

– Нет, это будет слишком скандальный повод для журналистов, – закачал головой Волконский и совершил удар. Один мяч попал в лунку.

– Но вы же согласны с тем, что новые законы и правда противоречат ей, – возразил князь.

– Небольшое противоречие есть, да, – с неохотой признал генерал, оглядывая ситуацию на игровом поле. – Но мы все понимаем, что любому успешному государству нужен инструмент для подавления инакомыслия и критики.

– И все же фактически имеет место косвенная цензура, которая запрещена пунктом пять статьи двадцать девять, – стоял на своем князь Сан-Дonato. – Потомки будут нас осуждать! Надо менять Конституцию.

– Недопустимо. Скандал, – стоял на своем Волконский.

– Да мы уже правили ее пару лет назад, – отмахнулся князь. – Никто и не заметил – всех успешно отвлекли законом о защите прав животных и экологией...

Они все говорили и говорили. Я слушал их спор, стараясь не реагировать, но в душе крепло раздражение.

В мое время тоже такое было – вся эта возня с формулировками, попытки угодить тем или иным аристократическим фракциям и при этом по возможности не навредить народу. Годы прошли, а политика как была искусством манипуляции сверх Закона, так и осталась.

Но именно это возмутило меня больше всего. Я не так себе представлял светлое, цивилизованное будущее. Почему потомки не умнее нас? Разве они не должны были научиться на нашем горьком опыте и найти новые, более гармоничные пути развития?

В конце концов я не выдержал и решил указать на самое слабое место:

– Простите, что вмешиваюсь, но разве оппозиция не сможет использовать противоречие законов и Конституции как обвинение в суде? – спросил я.

– В каком суде, молодой человек? – удивленно обернулся ко мне Сан-Донато, да и Дмитрий Олегович вскинул брови и глянул на меня. – У нас нет суда такого уровня. Суд – есть инстанция вторичная, созданная для следования букве закона, а не для его замены.

– Законы не должны противоречить друг другу, – покачал я головой. – Со времен Николая Первого за этим внимательно следили. Сперанский в свое время составил сорок пять томов законов Российской Империи и...

– К черту Сперанского, – перебил меня Сан-Донато. – Не расстраивайте меня, молодой человек, ведь вы показались мне перспективным. Очевидно же, что в наше сложное время законы должны быть гибкими и удобными – чтобы всегда можно было добиться своего.

– А вы не боитесь народных волнений? – холодно уточнил я.

– Народных — нет, – фыркнул Сан-Донато. – Поволнуются и утихнут. Что они могут?

– Не переживайте, молодой человек, – “успокоил” меня и генерал Волконский. – Мы тут спорим о ерунде на самом деле. Статистика показывает, что люди даже домовую компанию сменить не способны, не то что правительство.

Мужчины переглянулись и понимающе рассмеялись.

– Да уж. Электорат, называется, – фыркнул Сан-Донато. – А еще кто-то заикался о прямой демократии. Смешно! Не дорос наш народ до такого — там ответственность надо нести, на выборы ходить, в политике разбираться и вообще ДУМАТЬ.

– Покамест в Сибири без царя-батюшки никак, – подтвердил Волконский. – Нет, молодой человек, народ под что угодно прогнется, и управлять им легче, чем кажется. Настоящую опасность представляют только конкуренты за власть.

– Оппозиция? – заинтересовался я.

– Именно, – кивнул генерал, уже с интересом меня осматривая. – Строгановы и другие богатые семьи, на которые мы не можем влиять. Стоит дать слабину, и они ударят в больное место.

– Если есть оппозиция, почему вы не боитесь, что она поднимет мятеж? – задал я следующий логичный вопрос.

– Потому что у нашей оппозиционной гидры нет ни одной головы: мы поснимали прежнее, и теперь она боится их отращивать, – неожиданно вместо Волконского ответил мне канцлер.

Я нахмурился, не уверенный в том, что верно понял метафору, но собеседник тут же пояснил, подавшись вперед:

– Скажите, юноша, если вы вдруг расскажете людям все, о чем мы тут говорили, а затем призовете народ вступать в вашу освободительную армию, что будет? – спросил он.

Он пристально взгляделся в меня, а остальные почтительно замолчали.

– Вы меня убьете, – сказал я.

– Умный мальчик, – кивнул мужчина. – Вот и наша оппозиция после нескольких акций это сообразила. Теперь никто не хочет ее возглавлять — не осталось больше дураков. Сама же оппозиция пусть будет – это не страшно и временами даже полезно.

Я мысленно оценил партию. А ведь неплохо, действительно неплохо. Чувствуется рука сильных управленцев.

Но что-то мне все больше хочется отсюда уйти. Прочь, подальше от всего этого, чтобы не видеть, во что выродились великие надежды наставников. Хочу бездумно развлекаться с

молодежью, залезть вместе с Лизой в бассейн в этих дорогих костюмах, приставать к танцорам и хохотать, ни о чем не думая.

Впрочем, а что меня останавливает?

Непроизвольно я посмотрел вниз – на скопление беззаботной молодежи. И вдруг увидел сквозь “полог тишины” нелепую в своем беззвучии картину: Лиза палит из своего “Айсберга” по ногам испуганного Меньшикова, а тот пытается убежать, но снова и снова попадает в портал и возвращается к ней.

Брр. Скажите, что мне это привиделось.

– Что это там такое? – мужчины рядом со мной один за другим начали подниматься со своих мест и подходить к перилам, чтобы лучше видеть странное зрелище.

Нет, похоже, не привиделось.

Глава 8

Лиза

– Дуэль? Какая дуэль, о чем вы? – я невинно похлопала ресницами. – Этот подлец меня оскорбил, и я дала ему пощечину.

– Из лазерной винтовки, леди? – укоризненно глянул на меня начальник охраны.

– Ну, что под руку подвернулось, – пожала я плечами. – Я использовала ее исключительно в режиме предупредительных выстрелов.

– Предупредительных? – многозначительно переспросил начальник охраны. – Лазерные винтовки стреляют почти беззвучно.

– Неправда, я специально громко говорила: “Ра-та-та-та-та-та!”

Я изобразила стрельбу из пулемета по бегущей мишени. Из толпы раз

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.